

ネオン

未来の都市

Василий Бочаров

ГОЛОВА ЗМЕИ

Василий Бочаров

Голова змеи

«Автор»

2026

Бочаров В.

Голова змеи / В. Бочаров — «Автор», 2026

Бывший лейтенант секретного отряда «Юнит-7» Рэй Картер давно завязал с прошлым. Он спокойно работает инструктором в тире и пытается пережить смерть брата. Всё меняется, когда у него пропадает племянница. Поскольку официальные органы просто разводят руками, Рэй берется за дело сам. Цепочка зацепок уводит его глубоко в теневой сектор Конфедерации. Выясняется страшное: за похищениями стоит криминальный синдикат, а детей используют как подопытных в закрытых лабораториях для испытания секретной вакцины. Свою племянницу Рэй вернет, но этот шаг полностью отрежет ему пути к отступлению. Обратно в мирную жизнь дороги нет. Он в одиночку бросает вызов всей системе — криминальным авторитетам и коррумпированной элите у власти. Но продвигаясь к верхушке заговора, Рэй понимает: змея оказалась слишком длинной и отрубить ей голову в одиночку практически невозможно.

© Бочаров В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Гранитная пыль	5
Глава 2. Лёгкие деньги	11
Глава 3. Звонок	15
Глава 4. Тени в кабинетах	20
Глава 5. Первый след	26
Глава 6. Первая кровь	30
Глава 7. Процедурный кабинет	37
Глава 8. Пробуждение	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Василий Бочаров

Голова змеи

Глава 1. Гранитная пыль

Будильник ещё не прозвенел. Рэй Картер открыл глаза за три секунды до того, как электронные цифры на тумбочке сменились с 05:59 на 06:00. Он не просыпался по звонку уже много лет. Организм, натренированный годами службы, выдёргивал его из сна в заданное время, независимо от того, хотел он этого или нет. Секунда ушла на то, чтобы выровнять дыхание. Ещё две — чтобы сканирующим взглядом пройтись по комнате, отмечая неизменность обстановки. Стены, покрашенные в спокойный серый цвет. Жалюзи, опущенные ровно на три четверти. Тяжёлые ботинки у двери, поставленные носками к выходу. Ничего не изменилось за ночь.

Он поднялся одним слитным движением, не издав ни звука. Пол в квартире был застелен дешёвым ковролином, но Рэй всё равно двигался тихо — профессиональная деформация, от которой он так и не смог избавиться. Мышцы отозвались привычной лёгкой болью — след вчерашней тренировки, которую он провёл в подвальном зале, где арендовал крошечный бокс. Гражданская жизнь не терпела огнестрельного оружия в жилых районах, поэтому Рэй довольствовался голыми руками и старым манекеном. Это не заменяло боя, но позволяло не терять форму.

Вода в душе хлестала ледяными иглами. Рэй стоял под струями, уперевшись ладонями в кафель, и смотрел на стекающие капли. Вода в Гелиополисе была очищенной до состояния дистиллята, но ему всё равно казалось, что она пахнет металлом. Он потёр плечо, где под тонкой линией старого шрама всё ещё иногда ныла мышца. Шрамов было много, но этот — самый первый. От десантного ножа. Удар под углом, который невозможно предугадать, если не знаешь, куда смотреть. Он тогда был слишком молод и самоуверен. Двадцать лет назад. Целая жизнь.

Выключая воду, Рэй мельком взглянул в запотевшее зеркало. На него смотрел мужчина с лицом, которое легко забыть. Слишком обычное. Именно так он выглядел для соседей: мистер Картер, инструктор по стрельбе. Вежливый, неразговорчивый. Тот, кто кивает в лифте и никогда не задерживается у почтовых ящиков. Никто из них не мог предположить, что этот человек входил в сверхсекретную оперативно-тактическую группу, выполнявшую приказы, о которых не сообщалось даже в закрытых сводках, и что на его счету больше двадцати успешных миссий.

На кухне его ждал идеальный порядок. Одна кружка, одна тарелка, один нож, одна вилка. Никаких лишних предметов. Рэй включил кофемашину, которая загудела ровно в 06:15, и достал из холодильника белковый батончик. Вкус был картонным. Впрочем, еда давно не имела для него значения. Топливо. Не более. Он сел за стол и устался в стену, где висел старый бумажный календарь. Сегодняшняя дата была обведена в круг. Не красным, а простым карандашом. Рэй сам поставил эту отметку неделю назад, когда понял, что приближается годовщина.

Старший брат. Майкл.

Рэй откусил от батончика ещё кусок и заставил себя прожевать, хотя в горле внезапно стало сухо. Майкл был старше на шесть лет. Майкл пошёл в армию, чтобы оплатить учёбу Рэя. Майкл верил в порядок и в то, что форма меняет человека к лучшему. А потом Майкл погиб.

«Погиб при исполнении обязанностей» — так было написано в официальном уведомлении, которое пришло на его коммуникатор пять лет назад. Рэй тогда был на задании. Он узнал о смерти брата на третий день, когда вынырнул из зоны полного радиомолчания. Труп к тому времени уже кремировали. Рэй сжал кружку так, что побелели костяшки пальцев, и заставил

себя ослабить хватку. Фарфор мог треснуть. Он подал рапорт на увольнение в том же месяце. Командование «Юнит-7» не задавало вопросов. Ему не стали устраивать расспросов, не пытались удержать. Просто подписали бумаги, засекретили его настоящее досье и выдали новую легенду. Инструктор в тире. Одинокий мужчина без биографии. Человек-невидимка. Такова была плата за уход.

Гелиополис был идеальным местом для такой жизни. Слишком богатый, чтобы задавать вопросы. Слишком занятой, чтобы замечать тех, кто не хочет быть замеченным. Здесь, среди стеклянных небоскрёбов и парящих транспортных магистралей, можно было раствориться, как капля чернил в океане.

Рэй вышел из квартиры в 06:45. Дверь закрылась за спиной с мягким щелчком магнитного замка. Он прошёл по коридору, стараясь не попадать в зону обзора камер. Впрочем, их здесь почти не было — район считался благополучным. Затем спустился по лестнице, проигнорировав лифт. Лифт — это коробка, из которой в случае опасности нет выхода. Он ненавидел замкнутые пространства.

Утренний воздух был прохладным и пах озоном — где-то высоко над городом только что прошла климатическая коррекция. Рэй поднял воротник лёгкой куртки и быстрым шагом пошёл вдоль улицы. Вокруг сновали ранние прохожие: дорого одетые клерки с планшетами в руках, усталые курьеры на мотоциклах, женщины с детьми, спешащие в частные школы. Никто не смотрел на него. Он был частью фона, серым пятном на фоне бежевых фасадов.

Его район назывался Норт-Парк. Тихие улочки, аккуратные газоны, невысокие многоквартирные дома с претензией на элитность. Но до настоящей элиты, обитавшей в небоскрёбах центра, было далеко. Здесь жили те, кто работал на элиту: средний персонал, инженеры, преподаватели, мелкие администраторы. Рэй выбрал эту квартиру не из-за цены — денег от службы осталось достаточно, чтобы не думать о них до конца жизни, — а из-за анонимности. Никто не задаёт вопросов, если сосед всегда молчит.

Он дошёл до остановки монорельса за восемь минут. Вагон подошёл с тихим шипением, двери распахнулись, впуская прохладный кондиционированный воздух. Рэй вошёл и встал у выхода, спиной к стене, лицом к салону. Привычка. Он никогда не садился. В толпе его взгляд скользил по лицам, выхватывая детали: вот женщина нервно теребит ремешок сумки — возможно, опаздывает; вот парень в наушниках слишком внимательно смотрит на выход; вот старик с тростью, но хватка на рукояти слишком крепкая для простого пенсионера. Рэй отмечал всё это автоматически, без усилий. Мозг, натренированный десятилетием службы, работал сам по себе, как фоновый процесс. Это раздражало, но выключить не получалось.

Работа в тире начиналась в восемь. Он выходил на станции в деловом квартале и шёл пешком ещё десять минут. Тир назывался «Сайленс Рейндж» — обычное заведение на третьем этаже торгового центра, спрятанное между фитнес-клубом и магазином электроники. Владелец тира, пожилой мужчина с потухшими глазами, не интересовался прошлым своих сотрудников и вообще предпочитал не задавать вопросов. Рэю платили немного, но стабильно. Этих денег хватало на еду и коммунальные платежи. Остальное лежало на счету нетронутым — он не видел смысла тратить.

Переодевшись в форму без опознавательных знаков, Рэй встал за стойку. Его смена началась с проверки оружия: он разбирал и собирал несколько пистолетов, проверял мишени, калибровал прицелы. Руки двигались быстро и точно, без единого лишнего жеста. Он мог бы делать это с закрытыми глазами, но не позволял себе — внимательность не должна притупляться.

Первые клиенты появились в 08:30. Рэй обучал гражданских. Домохозяйки, офисные менеджеры, подростки, желающие почувствовать себя крутыми. Он ставил им руки, объяснял стойку, учил не дёргаться при выстреле. Они видели перед собой просто вежливого сотруд-

ника тира, не подозревая, что за его скупыми движениями стоит опыт, измеряемый не часами тренировок, а количеством ликвидированных целей.

Сегодня особенно ощущалась пустота. Рэй смотрел, как парень лет двадцати пяти неуверенно сжимает рукоять пистолета, и видел перед собой не его, а другое лицо. Лицо Майкла. У брата были такие же светлые глаза, как у матери, и такая же манера хмурить брови, когда он пытался что-то объяснить.

— Расслабьте плечи, — сказал Рэй, и голос его прозвучал ровно, без эмоций. — Оружие — не продолжение вашей руки. Это отдельный инструмент. Вы не должны бороться с ним.

Парень кивнул, но не понял. Рэй видел это по его глазам. Они никогда не понимают. Думают, что стрельба — это про силу, про контроль. Они не знают, что настоящая стрельба — это про умение выключать всё лишнее.

Он отступил на шаг и позволил ученику сделать серию выстрелов. Звук выстрелов в закрытом помещении был приглушён наушниками, но Рэй всё равно чувствовал вибрацию в груди. Привычный ритм. Слишком привычный.

К полудню в тире сталолюдно. Рэй переходил от одной дорожки к другой, поправляя стойки, выдавая советы, следя за безопасностью. Его движения были скупыми, но эффективными. Никто не мог заподозрить, что он в любой момент готов к бою, что его тело напряжено, как пружина, даже когда он просто стоит и наблюдает. Он слышал каждый шаг за спиной, каждый щелчок затвора, каждый вздох клиента. Всё это было фоновым шумом, сквозь который он процеживал только важное.

В перерыве он вышел на балкон, где находилась техническая зона, и посмотрел на город. Гелиополис простирался до горизонта: сверкающие башни из стекла и композитных материалов, многоуровневые транспортные магистрали, парящие рекламные голограммы, изгибающиеся в воздухе. Всё здесь кричало о богатстве, о стабильности, о безопасности. Рэй знал, что это иллюзия. Он видел планеты, где эта иллюзия рушилась за одну ночь.

Его мысли снова вернулись к Майклу. Они не виделись за два года до смерти брата — служба пожирала всё время, а редкие сеансы связи были короткими и поверхностными. Майкл знал, что Рэй работает «где-то в армии», но не знал, где именно и чем занимается. Конспирация. Даже близкие не имели права знать. Виктория, жена брата, так и не простила ему отсутствия на похоронах. Вернее, он сам не простил себе.

Виктория. Рэй сжал перила балкона. Они виделись после его увольнения всего трижды. В первый раз — через месяц после его возвращения на Гелиополис. Она выглядела подавленной, но держалась. Рэй помнил её лицо: бледное, с тёмными кругами под глазами, но в глазах — стальная воля. Она не задавала вопросов о его прошлом. Может быть, догадывалась, что он был не просто инструктором. А может быть, ей было всё равно. Они разговаривали о погоде, о здоровье, о том, как тяжело тянуть семью одной. Эбби тогда было десять. Она сидела в углу, уткнувшись в планшет, и не смотрела на дядю.

Второй раз они встретились через год. Виктория попросила помочь с переездом. Рэй приехал, молча перенёс коробки, отказался от ужина и ушёл. Третья встреча была случайной: он увидел её в торговом центре, но не подошёл. Просто проводил взглядом — высокая, стройная, в деловом костюме, с усталой улыбкой, адресованной дочери. Эбби уже была подростком, почти одного роста с матерью. Рэй почувствовал укол вины и свернул в другой проход.

С тех пор прошло два года. Виктория не звонила. Рэй тоже не звонил. О чём говорить? О Майкле? Она и так знала о нём всё, что считала нужным знать: её муж был военным, погиб по нелепой случайности, и в этой смерти некого винить. Но Виктория всегда ревновала мужа к Рэю. Брат отнимал у неё часть Майкла — ту часть, которую она не понимала: мир солдат, военных операций, мужской дружбы на грани жизни и смерти. Она не могла туда проникнуть, а Рэй был оттуда родом. После гибели мужа эта ревность превратилась в отторжение. Легче ненави-

деть живого, чем горевать о мёртвом. И Рэй стал для неё воплощением той самой армейской жизни, которая забрала Майкла.

Поэтому они и не общались. Виктория не хотела видеть его, а Рэй не навязывался. Он понимал: её боль ищет выход, и он — самая удобная мишень.

После перерыва он снова встал за стойку. В час дня в тир вошли три женщины — по виду подруги, решившие развлечься стрельбой. Две держались скованно, с любопытством озираясь по сторонам, третья, высокая брюнетка с резкими чертами лица и воинственно вздёрнутым подбородком, сразу направилась к стойке. Рэй узнал этот тип: активистка, привыкшая доказывать превосходство во всём. Она снисходительно рассказывала своим подругам:

— Мы, женщины, во всём лучше мужчин. Да даже стреляем мы лучше! Вот смотрите, я вам сейчас докажу. Эй, работник тира! Да, я к вам обращаюсь! Покажите мне, как тут что делается, и не мешайте.

Рэй спокойно объяснил базовые правила поведения в тире, затем выдал каждой простой пистолет с механическим спуском. Женщина, не глядя, отодвинула оружие.

— А я видела, что из таких только дураки стреляют и те, кто вообще ничего не понимает. Дайте нам вот те, которые слева у вас на стойке.

Рэй, даже не оборачиваясь, знал, что она имеет в виду. «Аспекты» — красивые, модные стволы с электронным спуском и агрессивной эргономикой. Совершенно непригодные для новичка.

— Мисс, я вам не советую «Аспект». Вы с ним не справитесь.

— Что вы сказали? Я не справлюсь? Да я на вас жалобу напишу и вас с работы уволят! Хамло какое!

Рэй понял, что спорить с этой неугомонной себе дороже. Он молча достал три «Аспекта», проверил их и положил на стойку.

— Как скажете, мисс. Тогда внимание, девушки. Два момента. Первое: очки не снимаем. Через это небольшое окошко в затворе вылетает гильза, и иногда она может полететь в вашу сторону. Берегите глаза. Второе: у этой модели электронный спуск, внимательно контролируйте силу и длительность нажатия.

Феминистка фыркнула.

— Ой, да что вы нам тут рассказываете, как будто мы глупее вас. Дайте мне пистолет и смотрите, как это делается.

Она сдвинула стрелковые очки на лоб, бросив: «Мне так мишень лучше видно!» — и, вскинув «Аспект», за полсекунды произвела серию из шести выстрелов. Две горячие гильзы, описав короткую дугу, полетели в её сторону. Одна ударила точно между глаз, вторая залетела в разрез блузки.

— А-а-а! Я ранена! Меня кто-то подстрелил! Мне пробили голову и попали в левую грудь!

Девушка рухнула на пол, подруги взвизгнули. Рэй среагировал мгновенно: в тот момент, когда первая гильза ещё летела к своей жертве, он уже оказался рядом. На шестом выстреле его ладонь легла на ствол, жёстко заклинив затворную раму, не позволяя оружию продолжать стрельбу. Быстро и аккуратно он отобрал «Аспекты» у двух других девушек, убедился, что стволы разряжены, и склонился над пострадавшей в неравной схватке со здравым смыслом.

— Вы как, мисс?

— Кажется, я умираю. Хотя мне казалось, это будет больнее. Передайте моим родителям, что я их люблю.

Одна из подруг наклонилась над ней и поморщилась.

— Вставай, Лиза, хватит тут комедию ломать. И так все на нас смотрят. Позорище какое. Вы нас извините, — она повернулась к Рэю, — наша подруга недавно какие-то видеокурсы посмотрела и теперь даже нас достаёт, не говоря уже об окружающих.

Рэй кивнул.

— Главное, что никто не пострадал. А подругу покажите врачу, пусть осмотрит.

Девушки поблагодарили его и, подхватив Лизу под руки, повели к выходу. Та по дороге изо всех сил изображала предсмертное состояние, закатывая глаза и прижимая руку к груди. Рэй проводил их взглядом, затем методично протёр оружие, убрал гильзы и вернул «Аспекты» на стойку.

В три часа в тир зашёл один из постоянных клиентов — молчаливый мужчина с военной выправкой. Он всегда приходил один, брал дальнюю дорожку и стрелял по движущимся мишеням. Рэй узнал в нём отставника из флота, но вида не подал. Они обменялись кивками. Этот человек никогда не задавал вопросов. Его устраивало, что инструктор не лезет в душу.

Рэй ненавидел свою работу. Вернее, ненавидел ту часть, где нужно было притворяться нормальным. Но был и плюс: регулярная стрельба поддерживала навыки. Он не мог позволить себе потерять форму. Гражданская жизнь расслабляла, притупляла инстинкты. Рэй боролся с этим как мог: тренировался по ночам, читал отчёты о военных конфликтах, которые удавалось достать в открытых источниках, иногда ходил в подпольный стрелковый клуб, где собирались такие же изгои. Но всё это было лишь тенью прошлого.

Он вспомнил свои миссии. Двадцать две успешные операции. Ни одного провала. Позывной «Гранит» — потому что он был холоден и несокрушим под давлением. Он убирал цели, добывал информацию, внедрялся в закрытые структуры. Он был лучшим в «Юнит-7». Но цена была высока. Он потерял себя.

Рэй до сих пор не знал, зачем ушёл. Точно знал только одно: после смерти брата мир стал каким-то бессмысленным. Война давала цель, но теперь цель исчезла. Осталось только рутинное существование, в котором он пытался найти хотя бы видимость порядка. Рутинная была его единственным якорем. Шесть утра — подъём. Семь — выход. Восемь — работа. Пять вечера — домой. Один и тот же маршрут, одна и та же еда, одна и та же одежда. Если следовать графику достаточно долго, можно убедить себя, что жизнь имеет смысл.

Но по ночам, когда он лежал в темноте, приходило прошлое. Он видел лица тех, кого убил. Слышал крики раненых. Чувствовал запах пороха и гари. Эти сны не были кошмарами в обычном смысле. Они были воспоминаниями. Точными, ясными, неотвязными. Рэй просыпался в холодном поту, с бешено колотящимся сердцем, и лежал до утра, глядя в потолок.

Он вернулся домой в сумерках. Включил свет только на кухне. Разогрел готовый ужин — суп со звёздочками из пакета. Снова жевал, не чувствуя вкуса. Потом сел на диван в гостиной и уставился на выключенный экран. В отражении он видел контуры собственного лица — размытые, нечёткие, будто чужие.

На столе лежал коммуникатор. Рэй взял его в руки, повертел. Экран загорелся, показал несколько пропущенных уведомлений: реклама, обновление погоды, сообщение от владельца тира с просьбой выйти в субботу на замену. Ничего от Виктории. Он сам не знал, ждал ли её звонка. Наверное, нет. Он не имел права ждать.

Он открыл галерею фотографий. Снимков было мало: старая фотография матери, которую он сохранил ещё до её смерти; кадр из армейской юности — они с Майклом в форме, улыбаются; снимок, сделанный на какой-то секретной базе, где Рэй стоит среди товарищей, лица которых нельзя показывать. Он быстро пролистал последнее. Не хотел вспоминать тех, кто остался там.

Затем он набрал номер Виктории, но не нажал кнопку вызова. Просто смотрел на цифры. Что бы он сказал? «Привет, извини, что исчез на два года»? «Я скучаю по Майклу»? «Я не тот, кем ты меня считаешь»? Всё это было правдой, но правда не помогала. Правда только ранила.

Он положил коммуникатор обратно и поднялся. Подошёл к окну. Внизу, на улице, горели неоновые огни вывесок. Город жил своей жизнью — сытой и самоуверенной, глухой к тому,

что лежит за её пределами. Гелиополис. Столица Конфедерации. Самое безопасное место в секторе. Рэй знал, что безопасность — это иллюзия. Ему ли не знать.

Он ненавидел эту часть себя. Корил себя за то, что даже в тихой жизни не может расслабиться, что каждый незнакомец кажется угрозой, что он всегда начеку. Другие люди живут спокойно, не замечая теней. А он — как загнанный зверь, который не может поверить, что охота закончилась.

Но опыт прошлого говорил об обратном.

Рэй прошёл на кухню, выпил стакан воды. Потом умылся, глядя в зеркало. На него смотрел уставший мужчина с пустыми глазами. «Гранит». Позывной звучал как насмешка. Гранит должен быть твёрдым, а он рассыпался изнутри.

Он вернулся в спальню. Разделся, аккуратно сложил одежду на стул. Лёг на спину, положив руки поверх одеяла. Закрыв глаза. Но сон не шёл. Мысли кружили вокруг Эбби. Племянница. Девочке пятнадцать лет. Он почти не знал её. Она, наверное, уже совсем взрослая. Учится в элитной школе, как и положено дочери военного, но, по словам Виктории (тогда, в прошлую их встречу), чувствует себя там чужой. «Дочь военного» — это клеймо среди богатых наследников. Они не понимают, что значит ждать отца со службы, а потом узнать, что он не вернётся.

Рэй вспомнил, как сам впервые увидел Эбби. Это было на крестинах, когда ей исполнился год. Он тогда только отслужил полгода и приехал в увольнение. Маленькая девочка со светлыми кудряшками и серьёзными глазами. Она смотрела на него без улыбки, будто видела насквозь. Рэй тогда смутился. Он не умел обращаться с детьми.

Теперь ей пятнадцать. Возраст, когда мир кажется одновременно огромным и тесным. Рэй подумал, что мог бы написать ей. Просто спросить, как дела. Но что он знал о её жизни? Ничего. И не имел права вторгаться.

Он повернулся на бок и уставился в стену. На обоях был едва заметный рисунок — цветы, которые он не выбирал. Квартира была съёмной, с чужой мебелью. Рэй так и не купил ничего своего, кроме пары кружек и полотенец. Ему не хотелось пускать корни. Это было бы признанием, что он останется здесь навсегда. А он всё ещё не был уверен, что хочет этого.

Рэй вздохнул и перевернулся на спину. Часы на тумбочке показывали 23:17. Завтра будет новый день. Такой же, как сегодня. Тихий, распланированный, бессмысленный. В шесть утра Рэй снова откроет глаза. Снова проверит комнату. Снова выйдет в город и станет невидимым.

Он закрыл глаза.

Где-то внутри, в той части сознания, которую он давно научился глушить, всё ещё жил позывной «Гранит».

«Так ты хотел покоя, Рэй?» — спросил голос из прошлого.

Рэй не ответил. Он просто лежал и ждал, когда тьма, наконец, поглотит его.

Глава 2. Лёгкие деньги

Утро началось с того, что Эбби Картер разбила будильник.

Она не собиралась этого делать. Просто когда в шесть тридцать над ухом взвыл стандартный сигнал, рука сама метнулась к тумбочке, промахнулась по кнопке и в сердцах смахнула ненавистный прибор на пол. Тот ударился об угол кровати, треснул, и экран погас. В наступившей тишине стало слышно, как на кухне мать включила кофемашину. Эбби застонала, перевернулась на спину и уставилась в потолок, на котором сквозь жалюзи просачивался серый утренний свет.

Понедельник. Ненавижу понедельники.

Она села, спустила ноги, нащупала тапки. В соседней комнате мать уже хлопотала на кухне — доносился звук кофемашины и тихое радио, настроенное на классическую музыку. Эбби скривилась: мама всегда включала эту нудятину по утрам, говорила, что она успокаивает нервы. Нервы у Виктории Картер были вечно натянуты, как струны, и Эбби уже научилась улавливать момент, когда лучше не попадаться под руку.

Она встала, подошла к зеркалу, оглядела себя. Светлые волосы спутались после сна, на щеке — красный след от подушки. Эбби поморщилась, стянула резинку с запястья, быстро собрала волосы в небрежный хвост. Форма лица Вернера висела на спинке стула: белая блузка, тёмно-синий пиджак с гербом, юбка. Выглядела она в этом как дорогая кукла. Эбби ненавидела эту форму, но мать настояла, чтобы она носила её даже вне школы: «Ты должна гордиться, что учишься в таком месте».

Гордиться. Смешно. Она гордилась только тем, что попала туда не за деньги, а потому что её отец когда-то погиб на службе. Квота для детей погибших военных — вот что открыло ей двери в этот мир. И каждый раз, когда она шла по коридорам лицея, она чувствовала на себе взгляды: лёгкое презрение, жалость или просто равнодушие. Богатые дети смотрели сквозь неё, а учителя порой ставили оценки с оговоркой «ну, нормально для её уровня». Спасибо, папа, за такую честь.

Она умылась, натянула форму, проверила рюкзак. Коммуникатор уже пикинул: сообщение от мамы. «Не забудь, сегодня после уроков сразу домой. У нас разговор».

Эбби закатила глаза. Разговор — это мамин код для нотации. Опять будет читать про оценки, про то, что она слишком поздно гуляет, слишком много сидит в телефоне, слишком дерзкая. Будто она до сих пор маленькая. Ей пятнадцать, а не пять.

Она вышла на кухню. Виктория стояла у плиты, переворачивая омлет. В деловом костюме, с идеальной укладкой, с макияжем — как будто собиралась на приём к президенту, а не в офис. Эбби молча села за стол, пододвинула тарелку.

— Доброе утро, — сказала Виктория, не оборачиваясь. — Я тебе написала. Ты видела?

— Угу.

— После уроков сразу домой. Никаких подруг. Нам нужно поговорить.

— О чём?

— Обсудим вечером.

Эбби вздохнула, ковырнула омлет вилкой. Есть не хотелось, но мать смотрела. Виктория повернулась, поставила перед ней стакан сока.

— Твоя учительница звонила. Говорит, ты снова не сдала эссе по истории.

— Я не «не сдала». Я просто не дописала. У меня не было времени.

— Не было времени? — Виктория прищурилась. — Вчера ты весь вечер сидела в соцсетях. Могла бы написать.

— Я не хотела.

— Эбигейл, я устала от твоего «не хотела». Ты учишься в лучшей школе города. У тебя есть возможность, которой нет у девяноста процентов детей. А ты её тратишь на глупости.

Эбби резко отодвинула тарелку.

— Я не просила тебя туда отдавать! Я не хотела учиться в этой дыре!

— Не смей так говорить о лицее. Твой отец хотел, чтобы ты получила хорошее образование.

— Папа хотел, чтобы я была счастлива. А не ходила в эту тюрьму для богатых придурков.

— Эбигейл! — Виктория повысила голос. — Я не позволю тебе так выражаться. Ты будешь учиться, и точка. Я не для того работаю на двух работах, чтобы ты валяла дурака.

— Я знаю, мам. Ты мне это каждый день говоришь.

Эбби встала, схватила рюкзак, направилась к выходу.

— Я поеду на монорельсе.

— Я тебя подвезу.

— Не надо. Я хочу побыть одна.

Она вышла, не дожидаясь ответа. За спиной хлопнула дверь. На улице было ещё прохладно, пахло озоном после ночной климатической коррекции. Эбби накинула капюшон, сунула наушники в уши, включила музыку погромче. Мир отодвинулся, стал приглушённым, и ей стало легче. Пусть мама злится. Пусть считает её неблагодарной. Она просто устала быть обязанной. Устала чувствовать себя вечной должницей: отец погиб, а мать работает, чтобы она училась. А что она сама? Просто девочка, которая должна оправдывать чужие жертвы. Но ведь она не просила об этом.

Монорельс подошёл быстро. Эбби вошла в вагон, села у окна, прислонилась лбом к стеклу. Гелиополис проносился мимо: сверкающие башни, парящие магистрали, рекламные голограммы. Всё такое красивое, такое недостижимое. Она смотрела на богатых женщин в дорогих пальто последних моделей, на студентов, смеющихся над чем-то в своих голографических планшетах. Все они были частью этого мира. А она — нет. Она была чужой.

Через тридцать минут она уже стояла у ворот лицея Вернера. Высокая кованая ограда, ухоженный парк, фасад из светлого камня. Одноклассники выходили из дорогих автомобилей, поправляли форму, смеялись над общими шутками. Эбби прошла мимо, не поднимая глаз. Она давно научилась не встречаться с ними взглядом.

У входа её догнала Лина. Подруга была из тех, с кем Эбби познакомилась в первый же день, когда они обе оказались в списке «бюджетников». Лина была ниже ростом, с тёмными волосами, собранными в хвост, и вечной ухмылкой, которая то ли защищала её, то ли наоборот.

— Привет, блондиночка, — Лина хлопнула её по плечу. — Ты чего такая мрачная? Опять мама пилила?

— Как всегда, — буркнула Эбби.

— Забей. Моя тоже с утра на мозги капала: «Почему форма мятая? Почему домашку не сделала?» Как же эти родители достали.

Они прошли в холл. Лина потянула её к окну, оглянулась по сторонам, понизила голос:

— Слушай, тут тема есть. Серьёзная. Дрейк из выпускного класса говорил, что можно заработать кучу кредитов.

— Дрейк? — Эбби поморщилась. — Он же с бандитами какими-то связан?

— Ну, он, конечно, мутный, но деньги реально платят. Говорит, есть контора, которая тестирует новую спортивную вакцину для молодёжи. Типа для иммунитета, энергии, всё такое. Платили вперёд.

— Вакцину? И что, просто уколаться?

— Ну да. Тест новый препарат. Здоровым подросткам. Говорят, безопасно. За первый визит — десять тысяч кредитов.

Эбби замерла. Десять тысяч кредитов. Это было больше, чем мама зарабатывала за два месяца. Это было бы... свободой. Хотя на какое-то время. Она могла бы купить себе нормальный планшет, одежду, не выглядеть нищенкой среди этих богатых уродов. А главное — могла бы помочь маме. Пусть та перестанет работать на двух работах. Пусть наконец отдохнёт.

— Ты серьёзно? — спросила она, стараясь не выдать волнения. — А это законно?

— Ну, вроде да. Медицинские исследования же. У них лицензия, всё официально. Просто деньги платят за участие.

Лина пожалала плечами, но в глазах её мелькнула та же жадность. Они обе знали, что такое нехватка денег. Обе были здесь чужими.

Прозвенел звонок. Первый урок — математика. Эбби села за парту, но мысли были далеко. Десять тысяч кредитов. Она представляла, как отдаст половину маме, а на остальное купит что-нибудь себе. Как мама удивится, как улыбнётся. А потом... может, она даже перестанет быть такой дёрганой. Перестанет бояться, что завтра им нечем платить за квартиру.

После математики Эбби нашла Дрейка в коридоре у лестницы. Тот стоял, прислонившись к стене, и лениво листал что-то в телефоне, не обращая внимания на снующих мимо младшеклассников. Завидев её, он даже не пошевелился.

— Чего тебе, мелкая? — процедил он, не отрывая взгляда от экрана.

— Мне Лина сказала, что у тебя есть возможность заработать, — Эбби постаралась, чтобы голос звучал ровно, хотя внутри всё подрагивало.

Дрейк наконец поднял глаза, смерил её ленивым взглядом с головы до ног.

— У меня много возможностей. Что тебя интересует?

— Она говорила про испытания спортивного препарата.

— А-а, — протянул он, и в его ухмылке мелькнуло узнавание. — Я понял. Ты же эта... как тебя там?

— Картер. По квоте учусь.

— Да, точно. Из нищих, — он хмыкнул, но без злобы, скорее как само собой разумеющееся. — Болезни какие-то есть? Вредные привычки?

— Нет, ничего такого. — Эбби нахмурилась, но спорить не стала.

— Отлично! — Дрейк улыбнулся.

— И что нужно делать?

— Просто сдать пару анализов, получить укол. Всё. Мой друг, который этим занимается, как раз сейчас неподалёку. Могу ему позвонить, он подъедет.

— Прямо сейчас? — Эбби оглянулась. — А уроки?

— Ну, ты же не маленькая. Один раз можно и прогулять. Или ты боишься?

Эбби сжала ляжку рюкзака, но промолчала. Дрейк быстро набрал номер, поднёс коммуникатор к уху. Разговор вышел коротким: он бросил пару отрывистых фраз, что-то вроде «есть одна, подходит», потом, выслушав ответ, хмыкнул и отключился.

— Ну всё, иди, — бросил он, убирая телефон.

— Куда? — Эбби нахмурилась.

— Выйдешь из лицея, пройдёшь через парк. За парком фонтан, рядом увидишь фургон. Подойдёшь, скажешь, что от меня. Как деньги получишь — с тебя сто кредитов.

— Ладно, — Эбби кивнула. — А когда идти нужно?

Дрейк закатил глаза, смерив её таким взглядом, будто она спросила, дышать ли ей.

— Вы все, кто по квоте, такие тупые? Сейчас иди. Прямо сейчас.

Эбби стиснула зубы, но сдержалась. Она развернулась и направилась к выходу, чувствуя спиной его насмешливый взгляд. Щёки горели, но азарт и отчаянная надежда на деньги оказались сильнее.

Она вышла из лицея, миновала ворота, пересекла дорогу и углубилась в парк. Деревья шумели, пахло влажной травой, где-то смеялись незнакомые студенты. Эбби шла быстро, не

оглядываясь. Она остановилась у ограды, вглядываясь в дорогу. Мимо проехало несколько машин, но фургона не было видно.

— Нервничаешь? — раздался голос за спиной.

Эбби вздрогнула, обернулась. Дрейк стоял, сунув руки в карманы, и ухмылялся.

— Нет.

— Ну-ну. Мой друг точный. Сейчас будет.

Они замолчали. Эбби смотрела на дорогу, пытаясь унять дрожь в коленях. Что она делает? Может, зря? Но деньги... Десять тысяч кредитов. Это ведь просто укол. Ничего страшного.

Через несколько минут на дороге показался фургон. Белый, без маркировки, с тонированными стёклами. Он медленно подъехал к тротуару, остановился недалеко от фонтана, не глуша двигатель. Дверь сбоку плавно отъехала в сторону, открыв тёмный проём.

Дрейк кивнул в его сторону.

— Вот он. Иди туда. Тебе всё расскажут.

Эбби замерла. Внутри что-то сжалось. В тёмном проёме не было видно ни одного человека. Только прохладный воздух, пахнувший химией, тянулся наружу.

— А ты со мной не пойдёшь?

— Я уже поучаствовал. Иди, не бойся. Они хорошие.

Эбби сделала шаг. Потом ещё один. Ног не чувствовала, но заставляла себя идти. Дрейк остался позади, у ограды, и смотрел.

Она подошла к фургону, заглянула внутрь. В полумраке виднелись два сиденья, какие-то ящики, тусклый свет. Навстречу ей наклонился человек в тёмной одежде, с лицом, скрытым за медицинской маской.

— Эбигейл Картер? — спросил он. Голос был сухим, без интонаций.

— Да.

— Входи. Не бойся. Это быстро.

Эбби обернулась, ища глазами Дрейка. Тот помахал ей рукой.

— Давай, Картер! Удачи!

Она глубоко вдохнула и шагнула внутрь.

Дверь за ней с мягким шипением закрылась. Щёлкнули замки. Внутри пахло дезинфекцией. Человек в маске уже сидел напротив, а фургон тронулся с места.

Эбби попыталась оглянуться, но окна были тёмными, непроницаемыми. Ком встал в горле.

— Куда мы едем? — спросила она, и голос предательски дрогнул.

— Всё будет хорошо, — ответил человек. — Расслабься. Это всего лишь тест.

Но в его голосе не было ничего успокаивающего. Только холодный, липкий страх, который теперь наполнял фургон.

Эбби прижалась спиной к сиденью и поняла, что уже не может выйти. Двери заблокировались.

Глава 3. Звонок

Звонок разорвал тишину квартиры, как осколочная граната.

Рэй сидел на диване в гостиной, не включая свет. Коммуникатор на столе завибрировал сначала деликатно, потом настойчивей. Он не двинулся. За годы службы он привык к тому, что неожиданный вызов редко приносит хорошие новости. А за пять лет гражданской жизни — тем более. Он взглянул на экран: имя высветилось холодными белыми буквами. «Виктория Картер».

Рука замерла. Последний раз, когда они разговаривали, был короткий обмен сообщениями, она просила не приезжать на день памяти Майкла. Тогда Рэй не ответил, просто перевёл деньги на счёт Эбби, и они молчали с тех пор. Теперь её звонок в одиннадцатом часу вечера не мог означать ничего, кроме беды.

Он всё же поднял трубку, но палец на мгновение завис над сенсором. Рэй поймал себя на том, что медлит, и это было непривычно. Он не боялся звонков, он просто не хотел снова влезать в ту жизнь, от которой ушёл. Но звонок был от Виктории. От женщины, которая когда-то стала частью их с Майклом семьи, а после его смерти — напоминанием о том, что Рэй не смог защитить самого близкого человека.

Он нажал «принять».

— Рэй? — голос Виктории звучал глухо, как из-под воды. Она не поздоровалась. — Ты дома?

— Да.

— Я у твоего подъезда. Открой.

Короткие гудки. Рэй несколько секунд смотрел на погасший экран, потом поднялся, подошёл к видеофону у входной двери и нажал кнопку. На экране домофона в тусклом свете уличного фонаря он увидел женскую фигуру. Виктория стояла у подъезда, обхватив себя руками, хотя вечер был тёплым. Она не смотрела в камеру, просто ждала. Рэй нажал клавишу открытия, и замок подъезда щёлкнул. Через минуту она уже стояла у двери его квартиры.

Он отпер замок. Дверь распахнулась, впуская запах духов, слишком дорогих для этого подъезда, и чего-то ещё — едва уловимого, похожего на страх.

Виктория переступила порог, не дожидаясь приглашения. Она была в светлом плаще, наброшенном поверх офисного костюма, туфли на высоких каблуках стучали по коридору, пока она шла в гостиную. Рэй закрыл дверь, щёлкнул замком. Обернулся.

Она стояла посреди комнаты, оглядываясь, будто впервые видела его жильё. Слишком стерильное и пустое. Её взгляд скользнул по выключенному экрану, по одинокой кружке на кухонном столе, по отсутствию каких-либо личных вещей. На секунду в её глазах мелькнуло что-то похожее на презрение, но тут же исчезло. Рэй знал этот взгляд. Она видела не дом, а берлогу человека, который не живёт, а существует.

— Почему так темно? — спросила она вместо приветствия. — Ты всегда так живёшь?

— Виктория, — произнёс Рэй ровным голосом, — что случилось?

Она вздрогнула, словно его спокойствие выбило её из заготовленного сценария. Потом глубоко вздохнула, расправила плечи. Даже в отчаянии она выглядела так, будто только что вышла из салона: уложенные светлые волосы, безупречный макияж, прямая спина. Броня, подумал Рэй. Она носила её всегда.

— Эбби пропала, — сказала Виктория. Голос не дрожал, но в нём было что-то ломкое, будто тонкий лёд. — Ушла в школу три дня назад. И не вернулась.

Рэй молчал. Внутри что-то щёлкнуло — то самое, что просыпалось в нём всегда, когда ситуация переставала быть обычной. Сознание мгновенно перестроилось: исчезла пустая

гостиная, исчезла роль «инструктора по стрельбе». Осталась только информация, требующая анализа.

— Три дня, — повторил он. — И ты только сейчас пришла ко мне?

Виктория дёрнулась, как от пощёчины.

— А что, я должна была бежать к тебе в первый же час? — её голос зазвенел. — Ты сам выбрал такую жизнь. Откуда мне было знать, что тебе вообще есть дело до моей дочери?

Она шагнула ближе, и Рэй заметил, что её руки дрожат, несмотря на всю бравладу. Он не ответил на выпад.

— Что говорит полиция?

Виктория криво усмехнулась.

— Полиция? Они внесли её в базу, допросили пару одноклассников и сказали, что, скорее всего, девочка сбежала из дома. Обычная история для подросткового возраста. Посоветовали подождать.

— И ты им веришь?

— Разумеется, нет! — она почти выкрикнула, и в этом крике прорвалась настоящая боль. — Эбби не такая! Она не могла просто взять и сбежать! У нас были сложности, да, но она не сбегала. Никогда. А тут... она ушла утром в школу, как обычно, и всё. Телефон отключён, в соцсети не заходит, где она друзья не знают. Её нигде нет.

— Какие именно версии они рассматривают? — Рэй прищурился. — Они опросили учителей, подруг? Проверили записи с камер в районе?

— Они сказали, что у них нет оснований для уголовного дела, потому что девочка сама ушла. Посоветовали ждать. Они даже не стали проверять её компьютер, только телефон. А я уверена, что всё не так просто. Она не могла просто исчезнуть, Рэй. Она знала, что я буду волноваться.

Рэй кивнул, переваривая услышанное. Он подошёл к кухне, включил свет, налил стакан воды и молча поставил перед Викторией. Она посмотрела на стакан, потом на него, но пить не стала.

— Сядь, — сказал Рэй.

Она не двинулась.

— Я не затем пришла, чтобы рассиживаться.

— Сядь, — повторил он тем же тоном, каким когда-то отдавал команды в бою. И Виктория, сама того не заметив, опустилась на край дивана.

Рэй остался стоять, скрестив руки на груди. Его взгляд, цепкий и холодный, сканировал её лицо, фигуру, позу. Он видел то, что она пыталась скрыть: круги под глазами, тщательно замазанные тональным кремом; побелевшие костяшки пальцев, сжимающих сумочку; едва заметное подёргивание века. Женщина на пределе.

— Расскажи всё по порядку. Когда именно она пропала? Во сколько вышла из дома? Что было в последние дни перед исчезновением? Может, она ссорилась с кем-то? Или вела себя странно?

Виктория хотела было огрызнуться, но сдержалась. Её плечи едва заметно опустились.

— Она ушла во вторник, в семь сорок утра. Как обычно. Лицей Вернера в районе Вест-Энд. Она учится там с пятого класса, после... — она запнулась. — После смерти отца.

Рэй кивнул, не перебивая.

— У неё был телефон. Я видела по геолокации, что она добралась до лицея. Но после полудня сигнал пропал. Она не пришла ни на один урок. Вернее, была на первом, а потом просто вышла из здания. Камеры на выходе её зафиксировали. Одна. Около десяти утра.

— Одна? — переспросил Рэй. — Никто за ней не шёл?

— На записи, которую показали в полиции, — нет. Она вышла спокойно, будто по делам. И всё. Больше её никто не видел.

— А что в последние дни? Она не выглядела подавленной? Не упоминала незнакомцев? Может, новые друзья?

Виктория сжала губы. Её взгляд метнулся в сторону.

— У нас были трения. Ей пятнадцать, Рэй. Она стала замкнутой, раздражительной. Мы ругались из-за её оценок, из-за того, что она не хочет общаться с «правильными» людьми. Я думала, это возрастное.

— А что-то конкретное?

Она помолчала, словно решаясь.

— Примерно месяц назад она начала поздно возвращаться домой. Говорила, что гуляет с подругой. Я проверяла — да, гуляла. Но потом та подруга переехала в другой район, и Эбби снова сидела по вечерам дома. А в последнюю неделю она была тихая, как мышка. Слишком тихая. Я думала, переживает из-за экзаменов. А теперь...

Виктория замолчала, прижав ладонь ко лбу. Рэй заметил, что она с трудом сдерживается.

— Было что-то ещё? — мягко спросил он. — Может, необычные траты, новые вещи, смена привычек?

— Не знаю, — выдавила Виктория. — Ничего особенного я не замечала.

Рэй несколько секунд молчал, прокручивая в голове услышанное. Подросток, который не сбежал, а просто вышел из школы среди дня и исчез. Полиция считает это побегом, но интуиция Рэя говорила об обратном.

— Я знаю свою дочь. Она не сбежала бы без веской причины. И она не оставила бы меня в неведении. Мы, конечно, не идеальная семья, но она знает, что я с ума сойду. Она бы предупредила.

Голос Виктории дрогнул. Она быстро отвернулась, пряча лицо.

Рэй смотрел на неё и видел перед собой не колючую невестку, а женщину, раздавленную страхом. Впервые за долгое время он ощутил что-то помимо пустоты. Это было сочувствие? Или долг перед братом? Он не разбирался. Просто знал, что не сможет отказать.

— Что у тебя есть? — спросил он. — Её последняя геолокация? Записи камер? Номера друзей?

Виктория торопливо начала рыться в сумке, вытащила планшет, разблокировала.

— Здесь всё, что я собрала. Переписки с классной руководительницей, копия заявления в полицию, последние координаты телефона, фотография из школьной базы. Я разослала её по социальным сетям.

Она протянула планшет Рэю. Тот взял, быстро просмотрел. Фотография: девочка-подросток со светлыми волосами, чуть вздёрнутым носом и серьёзным взглядом. Эбби. Он видел её в последний раз несколько лет назад, ещё ребёнком. Теперь она выглядела старше, острее, в глазах — упрямство, унаследованное от матери.

— Хорошо, — Рэй вернул планшет. — Я займусь этим.

Виктория уставилась на него, будто ожидая, что он скажет что-то ещё. Потом в её взгляде промелькнуло недоверие.

— Ты? — вырвалось у неё. — А что ты можешь? Ты же всего лишь дурацкий инструктор в тире.

Слова хлестнули наотмашь, но Рэй не подал виду. Он медленно повернулся к окну, за которым уже ступились сумерки.

— Я знаю людей, — сказал он. — И умею задавать вопросы.

Виктория фыркнула, но без прежней язвительности. Она поднялась с дивана, поправила плащ.

— Рэй, я пришла не потому, что верю в твои «навыки». Я пришла, потому что у меня больше никого нет. И потому что ты — единственный, кто знал Майкла так же, как я. Может быть, даже лучше.

Она посмотрела ему в глаза, и Рэй увидел, как в глубине её зрачков борется гордость с отчаянной мольбой.

— Просто... найди её, Рэй. Пожалуйста.

Он кивнул.

— Оставь мне все данные. Я начну завтра с утра.

Виктория быстро скинула файлы на его коммуникатор, не комментируя. Потом замерла у двери.

— Я не знаю, чем ты занимался всё это время. И не хочу знать. Но если ты сможешь вернуть мою дочь... — голос её сорвался. — Я буду перед тобой в долгу.

Рэй покачал головой.

— Это не долг, Виктория. Это семья.

Она резко вдохнула, будто слово «семья» обожгло её. Но ничего не ответила. Отвернулась, вышла в коридор. Каблуки застучали по лестнице вниз.

Рэй закрыл дверь, прислонился к ней спиной. Тишина вернулась, но уже не казалась пустой. Где-то внутри проснулся азарт. Тот самый, что он пытался заглушить последние годы.

Он не сразу отошёл от двери. Стоял, прижавшись спиной к холодной поверхности, и слушал, как затихают шаги Виктории внизу. Потом медленно выдохнул. В груди что-то сжалось, но это было не то привычное безразличие, с которым он жил последние пять лет. Это было чувство вины. Виктория пришла к нему не потому, что верила в его силы, а потому что больше никого не осталось. А он... он был последним, кто мог помочь, и он знал, что должен. Не ради неё — ради Майкла. Ради Эбби.

Он прошёл на кухню, включил свет, положил коммуникатор на стол и раскрыл файлы. На экране одно за другим появлялись: школьное расписание Эбби, список её контактов, последние сообщения, схема проезда до лица. Рэй провёл пальцем по сенсорной панели, увеличивая карту.

Он знал этот район. Торговый центр, кафе, парк. Слишком людное место, чтобы человека похитили среди бела дня без свидетелей. Но и слишком удобное, чтобы затеряться.

Рэй снова перечитал расписание Эбби, отметил, что по вторникам у неё было два урока подряд в корпусе Б, который выходит окнами на парк. Он открыл карту района Вест-Энд, приблизил место, где пропал сигнал. Там был небольшой сквер с фонтаном, окружённый кафе и магазинами. Идеальное место, чтобы встретиться с кем-то и уйти, не привлекая внимания. Он выделил несколько точек, которые стоило проверить: переулок за кафе, подземный переход, автобусная остановка.

На секунду его мысли унеслись в прошлое. Они с Майклом росли на окраине небольшого городка, где не было ни парящих магистралей, ни элитных лицеев. Отец ушёл рано, мать тянула их одна, и Майкл всегда был для Рэя примером. Старший брат первым записался в армию, первым уехал, и Рэй пошёл по его стопам. Но если Майкл верил в долг и честь, то Рэя привлекала другая сторона службы — та, где не было парадов и медалей. Где царили тишина, расчёт и смерть. «Юнит-7» стал его домом, но он же и отнял у него брата. Если бы он тогда не был на задании, если бы ответил на звонок...

Рэй тряхнул головой, отгоняя ненужные мысли. Сейчас не время для самокопания. Нужно было действовать.

Он встал, подошёл к шкафу в спальне, открыл нижний ящик, достал старую металлическую коробку из-под армейского пайка. Внутри лежали вещи, которые он не трогал годами: армейский жетон с позывным «Гранит», нож в потёртых ножнах, пара фотографий, флешка с зашифрованными данными. Рэй взял жетон, повертел в пальцах. Холодный металл напомнил ему о том, кем он был. Он сжал его в кулаке, потом положил обратно. Нет, он не вернётся к прошлому. Он просто использует навыки, чтобы спасти девочку.

Часы на стене показывали 00:47. До утра оставалось шесть часов. Рэй не спал. Он готовился.

Ночь за окном была чёрной, как та неизвестность, что ждала его впереди. Но впервые за пять лет он чувствовал не пустоту, а цель.

Где-то в глубине сознания звучал приказ, который он сам себе отдал: «Найти девочку. Вернуть её матери. Во что бы то ни стало».

И Рэй Картер, лейтенант оперативно-тактической группы «Юнит-7», позывной «Гранит», не знал, как проигрывать.

Утро встретило его серым рассветом, пробивающимся сквозь жалюзи. Рэй так и не сомкнул глаз, но чувствовал себя собранным. Он встал, быстро оделся, взял коммуникатор и вышел из квартиры. Сегодня у него был другой маршрут. Не в тир — в Вест-Энд, к лицу Вернера.

Охота началась.

Глава 4. Тени в кабинетах

Вечер опустился на Гелиополис, но в пентхаусе Ориона Галло время, казалось, остановилось. Огромные панорамные окна выходили на запад, и последние лучи заката окрашивали небо в багровые и медные тона. Где-то далеко внизу загорались первые огни проспектов, напоминая рассыпанные по тёмному бархату угли.

Пентхаус занимал весь верхний этаж башни «Аурелион». Здесь не было ничего случайного: мебель из редких пород дерева, привезённых с окраинных миров, антикварные светильники, подобранные на закрытых аукционах, тонкий аромат сандала, который распространялся из скрытых диффузоров. Галло любил красоту. Он считал, что красота — это единственное, за что стоит платить, потому что только она возвышает нормального человека над всякой сволочью. И здесь, на вершине своего мира, он позволял себе наслаждаться ею в полной мере.

Орион Галло был главой «Семьи Галло» — преступной организации, которая держала в кулаке теневую экономику всего сектора. Официально он был уважаемым бизнесменом, меценатом, членом попечительских советов. Его лицо появлялось на обложках деловых журналов с подписью «Человек года». Но те, кто знал его настоящего, произносили его имя шёпотом и никогда не перечили. Семья Галло контролировала грузопотоки в портовых секторах, подпольные тотализаторы, ростовщичество, контрабанду редких металлов и запрещённых имплантатов. Она отмывала деньги через сеть подставных компаний, строительных подрядов и благотворительных фондов. И она не брезговала ничем, что приносило доход.

Сам Галло сидел в глубоком кресле у окна, закинув ногу на ногу, и лениво вращал в пальцах бокал с выдержанным бренди. Ему было пятьдесят три, но выглядел он на сорок пять: подтянутый, элегантный, с седыми висками и холодными серыми глазами. Дорогой костюм сидел безупречно, запонки из чёрной платины тускло поблёскивали в полумраке. Он не двигался. Только желваки на скулах выдавали напряжение.

Напротив него, на краю дивана, сжимая колени, сидел Филипп Дюран.

Дюрану было около шестидесяти. Лысеющий, с одутловатым лицом и мелкими, бегающими глазками, он выглядел человеком, который всю жизнь прослужил на вторых ролях и наконец дорвался до больших денег. Одет он был в дорогой, но дурно сидящий костюм, галстук сбился на сторону. Пот блестел на лбу, несмотря на кондиционированный воздух. Замминистра науки и образования сектора, продажный политик — он был незаменим, пока делал свою работу. Но сегодня он пришёл с проблемой.

— Я говорю тебе, Орион, это становится опасно, — Дюран нервно оглянулся, будто в кабинете могли быть чужие уши. — Финансовый надзор начал проверку «НКО „Наследие будущего“». Они запросили документы за последние три года. Три года! Если они копнут глубже, всплывут переводы в «Эвергрин». А оттуда — к твоей... к твоей организации.

Галло медленно перевёл взгляд на него. В его глазах не было ни тревоги, ни раздражения — только лёгкая скука, с которой он смотрел на суетливых людей.

— Филипп, — произнёс он тихо, и голос его был мягким, как шёлк. — Ты пьёшь?

— Нет, я... я в завязке.

— Выпей. У меня отличный коньяк. С плантации на Аркадии. Двадцать пять лет выдержки.

Дюран мотнул головой, судорожно сглотнув.

— Да ладно тебе, расслабься, — Галло кивнул в сторону бара. — Посмотри, какая красота. Разве можно отказываться от такого?

Дюран перевёл взгляд. За спиной Галло, у дальней стены, возвышался бар из тёмного дерева. Вдоль подсвеченных полок тянулись стройные ряды бутылок — высоких и приземистых, из матового стекла и прозрачного хрусталя, с золотыми и серебряными горлышками.

Каких только не было: коньяки, виски, ликёры, редкие настойки с других планет. Дюран даже на секунду зажмурился и представил, что бы он сделал с этими бутылками, останься один в этом пентхаусе. Открыл бы все разом, пил бы из горла, закусывал бы ледяными устрицами, развалившись на диване, как хозяин жизни, в одних трусах. А может, даже и без них. От этой мысли его бросило в жар, а потом в холод.

— Ты там уснул, что ли? — раздался голос Галло.

Дюран резко вздрогнул, как будто его выдернули из приятного сна. Лицо его исказилось, и он истерично завопил:

— Да что ты мне голову морочишь?! Я не могу думать о коньяке, когда всё катится к чертям! За мной следят, я уверен. Сегодня у офиса видел подозрительную машину. Дважды. Если это ОКБ...

— ОКБ, — Галло растянул слово, будто пробуя на вкус. — Не смей меня, Филипп. Отдел контрдиверсионной безопасности — это кучка идеалистов с мизерным бюджетом. Они не следят за такими, как ты. У них нет на это ни людей, ни денег, ни полномочий.

— Ты недооцениваешь их! — Дюран подался вперёд, на лбу заблестели новые капли. — Они копали под Кобальта в прошлом году. И докопались. Теперь Кобальт гниёт в федеральной тюрьме, а его активы арестованы!

— Кобальт был идиотом, — Галло сделал маленький глоток, не сводя с Дюрана пронзительного взгляда. — Он оставил следы. Ты же не оставляешь следов, правда?

— Ничего я не оставляю. Но эти проверки... Если они найдут связь между «Наследием будущего» и проектом «Геката»...

Галло отставил бокал, поднялся. Дюран инстинктивно выпрямился и сцепил пальцы на коленях. Галло обошёл стол и остановился напротив, опираясь на край столешницы. Смотрел он не сверху вниз, а почти в глаза — как смотрят на равного, у которого сдали нервы.

— Филипп, — произнёс он спокойно, — мы с тобой не первый год тянем этот воз. Ты через свои фонды и гранты, я через своих людей. Каждый делает свою работу. Но если ты начнёшь дёргаться при каждой проверке, весь проект посыпется.

— Я не дёргаюсь, — Дюран поднял взгляд, и в его бегающих зрачках впервые мелькнуло что-то, кроме страха, — я лишь хочу убедиться, что мы успеем решить проблему, пока о ней не узнали... — он осёкся и быстро ткнул пальцем в сторону потолка, к хрустальной люстре. — Консультанты.

Галло проследил за его жестом.

— Консультанты по потолочным светильникам?

Дюран скривился.

— Ты всё шутишь, Орион. Ты же понимаешь, что он терпеть не может такие шутки.

Галло вздохнул, отвёл взгляд к окну, где угасал закат.

— Да, конечно понимаю.

Он помолчал, затем снова посмотрел на Дюрана, но уже мягче.

— Финансовый надзор я улажу. Мои люди займутся. Твоя задача — не паниковать и продолжать делать то, что умеешь. Мы делаем общее дело, и доведём его до конца. Но только если будем действовать слаженно.

— Я понимаю, — кивнул Дюран, но его пальцы всё ещё подрагивали. — Просто... если оно дойдёт до самого верха, нам обоим не поздоровится.

— Не дойдёт, — отрезал Галло. — Я не допущу. А теперь иди. Мои люди вызовут твоего водителя.

Дюран поднялся, одёрнул пиджак. У двери он на мгновение задержался, обернулся:

— Ты уверен, что мы справимся?

— Мы уже справляемся, Филипп. Не переживай.

Дюран коротко кивнул и вышел. Галло проводил его взглядом, затем снова сел в кресло, взял бокал. Но пить не стал — задумчиво уставился на потолок, где сияла люстра. Та самая, на которую указал Дюран.

«Консультанты по потолочным светильникам, — усмехнулся он про себя. — А неплохая шутка».

Закат почти угас. Город погружался в ночь. Галло сделал глоток и усмехнулся. Проверки, ОКБ, паникующие чиновники — всё это были лишь мелкие помехи. Но раз уж они появились, следовало действовать тоньше. Всё, что угодно, лишь бы проект «Геката» продолжал работать.

Местный офис ОКБ располагался в неприметном офисном здании на окраине делового района Гелиополиса. Снаружи ничего не указывало на присутствие спецслужбы: обычный бизнес-центр с пыльными окнами и потёртыми полами, в котором сдавались в аренду десятки помещений под мелкие конторы. Ни вывесок, ни охраны у входа — только общий подъезд с домофоном и камера в холле, установленная управляющей компанией. На двери значилось нейтральное «Макс Пистонов и сын» — в городском справочнике это числилось как торговая компания. Кто такой Макс Пистонов, никто не знал, но фамилия была настолько нелепой, что вызывала у редких посетителей улыбку.

Помещение состояло из трёх смежных комнат: приёмной, рабочего кабинета и отдельного помещения под оружейную. Последняя была предметом особой гордости майора Вэнса: хоть и маленькая, но оборудованная по всем правилам — с сейфами, стеллажами и системой климат-контроля. Здание, в котором находился офис, через цепочку подставных фирм принадлежало ОКБ и приносило пусть небольшую, но стабильную копеечку в бюджет спецслужбы.

Внутри пахло дешёвым кофе и бумажной пылью. Стены были серыми, мебель — старой, но крепкой. В отличие от их вечных конкурентов из Агентства раннего предупреждения, заседавшего в мраморном небоскрёбе в центре города, ОКБ довольствовался этим скромным убежищем, где единственной роскошью была кофеварка, купленная секретаршей на собственные деньги.

Региональное отделение состояло всего из трёх человек: майора Кайлена Вэнса, его заместителя, сержанта Маркуса, и секретарши Айрис Таннер. На большее не хватало финансирования. Каждый месяц приходилось выбивать деньги даже на замену картриджей для принтеров, а о современном оборудовании и думать забыли. Айрис, впрочем, умудрялась выбивать из центра хоть какие-то гроши на текущие нужды. Она была настолько мотивированным сотрудником, что, казалось, готова работать за одну похвалу от начальства. Поэтому Вэнс и Маркус работали на старых терминалах, пили растворимый кофе и вручную перебирали гигабайты данных, до которых их конкурентам из АРП обычно не было никакого дела.

Майор Вэнс сидел за своим столом уже третий час без перерыва. На экране перед ним медленно ползли колонки финансовых данных: счета, переводы, подставные фирмы, цепочки офшоров. Вэнс был высок, худощав, с коротко стриженными русыми волосами и острым, усталым лицом. Ему было тридцать четыре, но выглядел он старше из-за вечных кругов под глазами. Он не умел отдыхать, когда дело его затягивало.

Перед ним лежало дело Филиппа Дюрана — заместителя министра науки и образования сектора, который одновременно числился директором благотворительного фонда «Наследие будущего». Фонд официально занимался поддержкой молодёжных образовательных программ, но Вэнс уже неделю как подозревал, что под этой вывеской происходит что-то другое.

В дверь постучали, и в кабинет, не дожидаясь ответа, вошла Айрис. Молодая, симпатичная, с хорошей спортивной фигурой, она не умела сидеть без дела. В руках у неё была папка, а на лице — выражение готовности немедленно приступить к выполнению приказа.

— Майор, — начала она бодро, — я закончила перекрёстную сверку графиков Дюрана с движением средств фонда. Там есть закономерность. Каждый раз, когда он встречается с представителями «Эвергрин», через неделю со счетов фонда уходит крупная сумма. Я сверила даты.

Вэнс поднял голову, окинул её взглядом. Айрис стояла, вытянувшись, с лёгким румянцем на щеках. Её энтузиазм был почти осязаем.

— Хорошая работа, Айрис, — сказал он. — Скинь мне таблицу.

— Уже отправила, майор. И ещё... — она на мгновение замялась, — я заметила, что в те же даты в полицейской базе появлялись запросы на пропавших подростков. Совпадение?

Вэнс нахмурился.

— Отправь мне эти данные тоже. И подними все похожие дела за последние два года. Если найдёшь связь с фондом — сразу доложи.

— Будет сделано! — Айрис улыбнулась и вышла, едва не столкнувшись в дверях с Маркусом.

Маркус проводил её взглядом и покачал головой.

— Она когда-нибудь устает? — спросил он, входя и закрывая за собой дверь. — Девушка работает как заведённая. Вчера до ночи сидела с этими таблицами, а сегодня уже с утра бегают.

Маркус, сержант и заместитель Вэнса, был полноват, лохмат и вечно что-то жевал. Сложно было рассмотреть в этом человеке его скрытые таланты — например, то, что он был высококлассным оперативником. Он плюхнулся в соседнее кресло и вытянул ноги.

— Зато результаты есть, — ответил Вэнс, не отрываясь от экрана. — А ты почему не на посту?

— Я только что вернулся, майор. Наблюдение за домом Дюрана ничего не дало. Он сегодня выехал в сторону центра, петлял, потом скрылся в подземном паркинге башни «Аурелион».

Вэнс откинулся на спинку.

— «Аурелион» — это пентхаус Галло. Он поехал к нему. Зачем?

— Нервничает, наверное. Проверка финансового надзора, а он бежит к Галло за утешением.

Вэнс хмыкнул.

— Это не утешение, Маркус. Это инструктаж. Галло не принимает гостей просто так. Если Дюран поехал к нему, значит, дело серьёзное.

Он щёлкнул по клавише, и на экране высветилась схема: от фонда «Наследие будущего» в разные стороны тянулись линии к офшорным счетам, а от них — к компаниям, которые, как выяснил Вэнс, принадлежали «Семье Галло».

— Смотри, — Вэнс развернул монитор к Маркусу. — Фонд «Наследие будущего» получает гранты от государства под образовательные программы. Часть денег уходит на зарплаты — копейки. Остальное перечисляется в исследовательский центр «Эвергрин» под видом грантов на совместные молодёжные исследования.

Маркус присвистнул.

— «Эвергрин»? Это же крупный научный центр, занимается генной инженерией, биотехнологиями. Но что им нужно от благотворительного фонда?

— А вот это самое интересное, — Вэнс откинулся на спинку. — Я проверил учредителей «Эвергрин». Официально это независимая корпорация, но если копнуть глубже, все нити ведут к «Семье Галло». Через цепочку подставных фирм они контролируют этот центр. Деньги из фонда уходят якобы на исследования, а на деле — в карман Галло.

— Отмывание?

— Похоже на то. Но зачем такой сложный маршрут? Можно было напрямую. Значит, они прячут не просто деньги, а что-то ещё.

Вэнс потянулся к чашке с остывшим кофе, сделал глоток, поморщился.

— А теперь самое интересное. Я начал копать запросы полиции Гелиополиса, чтобы понять, есть ли пересечения. И наткнулся на одно имя: Рэй Картер.

— И кто это? — спросил Маркус.

— Бывший военный. Работает инструктором в тире. Но у него есть племянница, Эбигейл Картер. Она пропала неделю назад. Заявление в полицию подавала её мать, а Рэй указан в деле как дядя и контактное лицо. И знаешь, что странно? На его досье стоит гриф секретности. Официально он служил в регулярных частях, но настоящее прошлое закрыто даже для полиции.

— Секретность? — Маркус нахмурился. — Может, простая бюрократия?

— Не думаю. Я прогнал его имя по нашим внутренним базам. Знаешь, что выдало? Пусто. Но с пометкой «архив ограниченного доступа». Это значит, что он когда-то работал на одну из контор.

— И какое это имеет отношение к нашему делу?

Вэнс побарабанил пальцами по столу.

— А вот какое. В тот же период, когда пропала девочка, со счетов Дюрана ушла крупная сумма на счета «Семьи Галло». Не прямо, но след есть. Я проверил пересечения по датам: за неделю до исчезновения Эбигейл Картер фонд Дюрана перевёл деньги фирме, которая связана с Галло. Совпадение? Возможно. Но слишком уж подозрительное, чтобы его игнорировать.

— Вы хотите сказать, что похищение девочки связано с финансовыми махинациями Галло? — Маркус подался вперёд.

— Я не знаю. Но это совпадение слишком интересное. Если Галло финансирует какой-то подпольный проект, в котором используются дети, то это уже не просто отмывание. Это федеральное преступление.

В дверь снова постучали, и вошла Айрис, держа в руках планшет.

— Майор, я нашла ещё кое-что, — она протянула экран. — В тот день, когда пропала Эбигейл Картер, камеры у парка напротив лица Вернера зафиксировали белый фургон. Он не появлялся больше ни разу за последние два месяца. Номер зарегистрирован на подставную фирму, связанную с «Семьёй Галло».

Вэнс и Маркус переглянулись. Айрис стояла, выжидая реакции.

— Отлично, Айрис, — Вэнс кивнул. — Проверь, кто арендовал этот фургон и где он сейчас. И ещё: мне нужны все данные о Рэе Картере, которые сможешь найти. Всё, что не закрыто грифом.

— Я уже начала, майор, — Айрис улыбнулась. — Но там действительно что-то странное. Его досье не просто закрыто, оно вычищено. Остались только базовые данные. Я попробую через старые архивы.

— Хорошо. Иди.

Айрис вышла, снова полная энергии.

Маркус посмотрел на Вэнса.

— Она когда-нибудь останавливается?

— Надеюсь, нет, — Вэнс усмехнулся. — Пока у нас нет больших бюджетов, мотивация — наш главный ресурс.

Маркус вздохнул.

— Эх, чувствую, уволюсь я скоро.

— Ты всегда так говоришь. Но всё равно сидишь здесь и помогаешь.

— Только ради вашего паршивого кофе. И ради того, чтобы посмотреть, как вы снова вляпаетесь в неприятности.

Вэнс усмехнулся.

— Ценю твою поддержку.

Маркус махнул рукой, поднялся и направился к двери. У порога обернулся.

— Только не наделайте глупостей, майор. Если Галло почует, что мы копаем, он не будет церемониться.

— Знаю, — Вэнс снова повернулся к экрану. — Поэтому мы будем осторожны.

Маркус вышел. Вэнс остался один. За окном сгущались сумерки. Где-то в недрах финансовых потоков, в тёмных кабинетах и подпольных клиниках, зрело что-то крупное. И он был одним из немногих, кто начал видеть контуры этой тени.

Глава 5. Первый след

Серый рассвет расплзался по улицам, когда Рэй вышел из дома. Он не ложился, но тело держало привычный ритм — двадцать лет службы невозможно забыть. Мысли были ясными, как никогда за последние годы.

Он позвонил в тир, сухо сообщил, что заболел, и отключился, не дожидаясь ответа. Владелец не станет переспрашивать — ему было всё равно, лишь бы кто-то стоял за стойкой в выходные. А Рэя сегодня ждал другой маршрут.

Монорельс глотал километры. Гелиополис просыпался: по путям скользили дорогие автомобили, на тротуарах появлялись клерки в костюмах, в кафе выставляли столики. В Вест-Энде воздух пах иначе — не озоном после климатической коррекции, а дорогой парфюмерией и цветами из открытых витрин. Район богатых, где даже тротуарная плитка была отполирована до блеска. Но под этим лоском прятались свои тени — Рэй знал это лучше многих.

Он вышел на станции за двадцать минут до девяти. Лицей Вернера возвышался в глубине парка, окружённый живой изгородью и кованой оградой. Дорого, солидно, с фасадом из светлого камня и панорамными окнами. Слишком идеально, чтобы в нём мог учиться ребенок человека без связей. Но, как дочь погибшего военного, Эбби имела право учиться в любом заведении, и Виктория выбрала для неё именно этот лицей — чтобы дать хорошее образование и шанс на социальный лифт. Они обе понимали: диплом Вернера открывал двери в лучшие университеты Конфедерации.

Рэй не стал подходить близко. Он остановился на противоположной стороне улицы, под козырьком остановки, и осмотрелся. Камеры: одна над главным входом, две по углам здания, ещё одна на столбе в двадцати метрах. Он прикинул углы обзора: если Эбби выходила через западные ворота, то попадала в мёртвую зону между двумя камерами. Об этом он подумал ещё ночью, изучая карту. Теперь пришёл проверить.

До точки, где сигнал телефона пропал с карты, оставалось около трёх кварталов. Рэй двинулся по тротуару, не торопясь, зрительно сканируя пространство. Он шёл так, как ходил когда-то в разведке: плечи расслаблены, взгляд скользит, но фиксирует каждую деталь. Вокруг было полно камер — открытых и скрытых, — и он отмечал их машинально, избегая попадать в сектора обзора.

Сквер с фонтаном оказался именно таким, как он представлял: открытое пространство, несколько скамеек, кафе с террасой, книжный магазин, аптечный киоск. Слишком людное место для похищения, но идеальное для добровольного ухода. Эбби могла встретиться здесь с кем-то, выйти из зоны камер и исчезнуть в одном из переулков.

Он подошёл к фонтану, сделал вид, что ждёт кого-то. Мимо прошли две женщины с колясками, старик с газетой, молодой человек в наушниках. Обычный утренний поток. Рэй заметил, что одна из камер на столбе у входа в сквер не работает — чёрный зрачок объектива был разбит. Мелочь, но в голове щёлкнуло: разбитая камера в месте, где пропала девочка. Совпадение? Возможно. Но он не верил в совпадения.

Он вошёл в кафе, сел за столик у окна, заказал чёрный кофе. Бариста, худой парень с уставшими глазами и татуировкой на шее, лениво протирал стойку. Рэй подождал, пока посетителей станет меньше, и поманил его.

— Часто у тебя тут смены? — спросил он, показывая фотографию Эбби на экране коммуникатора.

Парень наклонился, прищурился.

— А вы кто?

— Родственник. Она пропала несколько дней назад. Может, видел её?

Бариста покосился по сторонам, пожал плечами.

— Тут каждый день толпы школьников. Все лица в кучу. Эту... — он взгляделся в фото, — вроде видел пару раз. С подружкой сидела. Но я не приглядывался. Они приходят, заказывают смузи, уходят.

— А в последние дни? Может, она одна заходила?

— Не помню. Извините. Тяжело всех запомнить.

Рэй кивнул, оставил на стойке чаевые и вышел. Ничего полезного.

Теперь нужно было поговорить с подругой Эбби. В файлах от Виктории был список контактов, и Рэй ещё ночью выделил несколько имён. Чаще всего она звонила и писала номеру, записанному как «Лина». Он набрал его, но абонент не отвечал. Тогда он отправил короткое сообщение: «Это дядя Эбби. Нам нужно поговорить. Это важно для неё».

Ответ пришёл через десять минут: «Я не знаю, где она. Честно». Рэй перезвонил. На этот раз трубку сняли.

— Аллю? — голос подростка, тихий, испуганный.

— Лина? Я дядя Эбби. Я не полиция. Мне нужно только поговорить. Где тебе удобно?

— Я не знаю... не знаю, могу ли я...

— Я не сделаю тебе ничего плохого. Просто встретимся там, где ты сама выберешь. Это может помочь Эбби.

Пауза. Потом она нехотя назвала адрес: небольшой парк за станцией монорельса. Рэй сказал, что будет там через двадцать минут.

Он пришёл раньше, как всегда. Сел на скамейку, откуда просматривались оба входа. Через несколько минут появилась девушка лет пятнадцати: невысокая, худенькая, с тёмными волосами, собранными в хвост, в мешковатой куртке. Она нервно огляделась, заметила Рэя и медленно подошла.

— Вы дядя Эбби? — спросила она, не садясь.

— Садись, — сказал Рэй спокойно. — Я не кусаюсь.

Лина нерешительно опустилась на край скамьи, держа руки в карманах.

— Я правда не знаю, где она.

— Но вы дружили. И она тебе доверяла. — Рэй смотрел ей в глаза, не давя, но давая понять: лгать бесполезно. — Её мама говорила, что она гуляла с тобой.

Лина вздохнула, опустила взгляд. Молчание затянулось.

— Это я виновата, — наконец выдавила она.

Рэй подался вперёд.

— Что значит «виновата»?

— Я рассказала Эбби о Дрейке. Ну, что можно заработать. Дрейк из выпускного класса. Он говорил, что есть фирма, которая тестирует новую спортивную вакцину для молодёжи. Платили вперёд.

— И ты поверила?

— Я не знала... Думала, это правда. Эбби переживала из-за денег. Она хотела помочь маме. Я просто хотела как лучше. — Лина всхлипнула. — Я не думала, что так выйдет.

— Что было дальше?

— После первого урока она пошла искать Дрейка. Сказала, что поговорит с ним. Больше я её не видала. Она не отвечала на сообщения.

— А Дрейк? Где он?

— Не знаю. В тот день он был в школе, но потом исчез. Я боялась спрашивать.

Рэй смотрел на неё, не мигая. Лина размазывала слёзы по щекам.

— Я должна была её отговорить. Но я не знала, что это опасно. Думала, это просто укол, деньги... Простите.

Рэй выдохнул, сдерживая раздражение. Ему была нужна информация, а не самобичевание.

— Ты знаешь, куда она пошла? Где её забрали?

— Она говорила, что фургон будет за парком напротив лица. Я не пошла. Мне было страшно.

Он задумался. Парк у лица. Белый фургон. Точка, где пропал сигнал, сходилась с её словами.

— Ты сказала об этом полиции?

Лина отрицательно покачала головой.

— Я боялась. Дрейк... он не простой. У него связи. Если бы он узнал, что я проболталась...

Рэй поднялся.

— Теперь это неважно.

Он оставил Лину на скамейке и быстро зашагал к выходу из парка. Теперь у него была конкретная зацепка: Дрейк и белый фургон возле лица.

В голове уже выстраивалась цепочка: нелегальные «медицинские программы», вербовка подростков из неблагополучных семей, обещание больших денег, исчезновения. Это явно не наркотики. Это что-то системное. И кто-то очень не хотел, чтобы информация всплыла.

Теперь нужен был Тим.

Он набрал номер, который не тревожил годами. Гудки шли долго. Наконец на том конце раздался знакомый хриплый голос:

— Рэй? Чёрт возьми, сколько лет! Ты чего звонишь?

— Тим. Нужна встреча. Не по телефону.

Тим замолчал. Рэй услышал, как он чем-то шуршит — возможно, отодвинул стул, вышел из кабинета.

— Что-то серьёзное?

— Да.

— Тогда через час, в «Глории» на Пятой. Знаешь?

— Знаю.

— Давай.

Рэй отключился и направился к монорельсу.

Бар «Глория» был из тех мест, куда не заходят случайные прохожие: тёмный зал, дешёвый алкоголь, неоновые вывески, пахнущие дезинфекцией. Время было обеденное, внутри — почти пусто. Тим ждал его за угловым столиком. Он почти не изменился: крепкий, седеющий, с усталыми глазами полицейского, который повидал слишком много. На нём была гражданская куртка, но Рэй знал: бляха где-то под ней.

Они пожали руки — коротко, как в армии. Без объятий. У Рэя и Тима была своя история: вместе пошли в армию, вместе прошли учебу, спали в одной палатке, ели из одного котелка. Потом Рэй ушёл в «Юнит-7», и их пути разошлись. Но дружба не умерла — просто стала другой.

— Выглядишь дерьмово, — усмехнулся Тим. — Опять не спишь?

— Ты тоже не цветёшь как одуванчик.

Тим хмыкнул, сделал глоток пива.

— Ну, выкладывай. Что стряслось?

Рэй сел напротив, понизив голос:

— Пропала племянница. Эбби Картер, 15 лет. Три дня назад ушла из лица Вернера и исчезла. Полиция говорит — побег.

— А ты не веришь.

— Она не сбегала. Она попала в какую-то «медицинскую программу». Обещание больших денег, встреча с человеком на машине. Ты что-нибудь слышал о подобном?

Тим отставил бокал, посмотрел на Рэя долгим взглядом. Потом вздохнул.

— Слышал. Но тебе это не понравится.

— Говори.

— В разных районах Гелиополиса за последние полгода пропало с десятков подростков. Может, больше. Все — из неблагополучных семей или с финансовыми проблемами. Все уходило «добровольно», никого не похищали. Полиция закрывала дела, объясняя побегами. Но я наткнулся на странности: у многих перед исчезновением были контакты с людьми из «медицинских центров». Слухи ходили, что это не просто анализы. Что забирают не только кровь.

— А что именно? — Рэй напрягся.

— Не знаю. Говорили про подпольные клиники, где якобы тестируют новые препараты на подростках. Или что-то ещё. Но никто не задавал вопросов, потому что замешаны влиятельные люди. У нас наверху приказали не копать.

— А ты?

Тим покачал головой.

— Я не копал. У меня семья, Рэй. Две дочери. Если я суну нос, меня уволят без выходного пособия. А может, и хуже.

Рэй сжал зубы.

— Мне нужна любая информация. Списки пропавших, адреса этих клиник, названия фирм, которые их прикрывают.

Тим огляделся, наклонился ближе.

— Рэй, это опасно. Я не знаю, кто за этим стоит, но это явно не простые люди. Полиция наверняка слила кому-то информацию о твоей племяннице ещё до того, как она пропала. Возможно, её пасли.

— Поэтому я и должен её найти как можно быстрее. Помогите мне, Тим. По старой дружбе.

Тим долго молчал, вертя в руках бокал. Потом выдохнул.

— Ладно. Я соберу, что смогу, и скину тебе на защищённый канал. Но учти: я рискую.

— Я знаю. Спасибо.

Они посидели ещё несколько минут, разговаривая о пустяках, но каждый понимал: теперь они в одной лодке. Тим ушёл первым, оставив деньги на столе.

Рэй остался. Он смотрел в тёмное окно, где отражалось его лицо — жёсткое, собранное, с холодными глазами. «Гранит» возвращался. И, похоже, Рэй был этому рад.

Вечером, вернувшись домой, он получил сообщение от Тима. Внутри были имена, адреса, номера дел. И одно название, которое повторялось в отчётах: «Клиника “Эвергрин”». Официально — научно-исследовательский центр, специализирующийся на генной инженерии и биотехнологиях. Неофициально — тень, которая тянулась к самым верхам Гелиополиса. Поговаривали, что этим предприятием владела некая криминальная структура.

Рэй лёг на диван, не раздеваясь, и уставился в потолок. Эбби жива. Он чувствовал это. Но время уходило.

Завтра он выйдет на след «Эвергрин». И горе тому, кто встанет у него на пути.

Глава 6. Первая кровь

Следующий день Рэй начал с наблюдения за «Лицеем Вернера».

Он приехал задолго до конца занятий, занял позицию в кафе на противоположной стороне улицы и заказал чёрный кофе, к которому так и не притронулся. Коммуникатор лежал на столе, рядом — открытая карта района. Рэй не смотрел на экран: его взгляд методично сканировал поток учеников. Он отмечал не лица, а походку, жесты, группировки. Кто заводила, кто изгой, кто нервничает, кто чувствует себя хозяином. Эта способность читать людей, отточенная за годы службы, никуда не делась. Рэй словно смотрел на поле боя, только вместо солдат были школьники с рюкзаками.

Гелиополис умел притворяться безопасным. Здесь не было видимых конфликтов, но внутри подростковой среды всегда кипела своя война — за статус, внимание, выживание. И такие, как Дрейк, были в ней хищниками. Рэй слишком хорошо знал этот тип, чтобы недооценивать его.

Дрейка он вычислил быстро. Высокий, самоуверенный, с дорогой стрижкой и рюкзаком из последней коллекции — в таких не носят учебники. Он вышел из лицея в 15:12, окружённый стайкой приятелей. Держался вальяжно, но Рэй заметил, как парень периодически оглядывается — не от страха, а от осознания собственной значимости. Рэй знал этот тип: младший винтик в чужом механизме, которому позволили думать, что он важен.

Проследить за ним не составило труда. Дрейк не был профессионалом: он шёл по людным улицам, не меняя темпа, не проверял хвост. Рэй следовал на расстоянии, растворяясь в вечернем потоке. Он двигался как тень, огибая камеры, не попадая в отражения витрин.

Сначала парень заехал в торговый центр, где провёл около часа в дорогом бутике. Затем встретился с двумя приятелями в закусочной. Потом, уже в сумерках, он направился в сторону престижного жилого комплекса «Парк-Тауэрс» — одной из тех высоток, где селились дети богатых родителей, пока сами родители жили в загородных поместьях. Рэй шёл следом, держась в тени, не сводя глаз с его спины.

У входа в комплекс дежурил консьерж, а дверь открывалась только по магнитной карте. Дрейк приложил карту, вошёл. Рэй дождался, когда дверь начнёт плавно закрываться, и в последний момент проскользнул внутрь, спрятавшись за колонной в холле. Консьерж, уткнувшийся в экран, ничего не заметил. Рэй подождал, пока Дрейк вызовет лифт, и двинулся следом, держась в тени.

Он дождался, когда Дрейк зайдёт в лифт, и поднялся по лестнице, отслеживая, на каком этаже тот остановится. Когда двери открылись, Рэй осторожно выглянул из-за угла лестничной площадки и увидел, как парень, достав из кармана ключ-карту, приложил её к замку одной из квартир в конце коридора и скрылся внутри. Рэй запомнил номер квартиры: 47. Теперь оставалось дожидаться, когда Дрейк выйдет.

Ждать пришлось недолго. Через полчаса дверь открылась — Дрейк вышел из квартиры с мусорным пакетом в руке. Он направился к мусоропроводу в конце коридора, насвистывая какой-то мотивчик. Рэй шагнул из тени.

Парень обернулся на шорох.

Рэй ударил его в солнечное сплетение — коротко, без замаха. Пакет выпал из рук. Дрейк сложился пополам, хватая ртом воздух, но Рэй уже перехватил его за ворот куртки и вдавил в техническую нишу возле мусоропровода.

Он впечатал парня спиной в стену, зажал рот ладонью. Дрейк мычал, вытаращив глаза, из носа потекло. Рэй смотрел на него секунду, оценивая: школьник, не боец. Сопrotивляться не умеет. Страх уже парализовал его.

— Слушай меня внимательно, — произнёс Рэй шёпотом, наклонившись к самому уху. — Я задаю вопросы. Ты отвечаешь быстро. Если начнёшь орать, вырываться или врать — я сломаю тебе сначала пальцы, потом ноги. Понял?

Парень закивал, захлёбываясь паникой.

Рэй убрал ладонь с его рта.

— Эбби Картер. Где она?

— Я... я не знаю... — залепетал Дрейк.

Рэй не стал повторять. Он взял мизинец парня и резко вывернул в сторону. Сустав хрустнул. Дрейк взвыл, но Рэй тут же снова зажал ему рот, приглушая крик до сдавленного стона.

— Ещё раз, — сказал он. — Где она?

Парень трясся, слёзы текли по щекам. Рэй убрал руку.

— Диагностический центр! — зашептал Дрейк, давясь болью. — Они держат их в диагностическом центре «Эвергрин» на пересечении Девятой и Гарденс! Я только приводил людей, кланусь!

— Кто забирает?

— Грег. Был на белом фургоне, без маркировки. Он приезжал по вторникам и четвергам.

— Кто ещё участвует?

— Я не знаю! Мне платили только за то, чтобы приводил. Давали список критериев. Школьники, из небогатых семей, без связей.

— Какие еще критерии? — Рэй взял его за другой палец.

— Здоровье! — взвизгнул Дрейк. — Им нужны были здоровые подростки. Без хронических болезней, без вредных привычек. Говорили, что для медицинских исследований.

— Эбби подходила?

— Да! Она сама согласилась. Я её не заставлял!

Рэй на мгновение замер. Потом резко ударил парня по печени — не в полную силу, но достаточно, чтобы тот рухнул у стены.

— Это тебе за неё.

Дрейк заскулил. Удар заставил его ноги рефлекторно поджаться к животу, и он свернулся в позу эмбриона, не в силах разогнуться.

— Когда следующий фургон? — спросил Рэй.

— Не знаю... Грег приезжает по расписанию. Если я привожу кого-то, он забирает.

— Как связаться с Грегом?

— Через сообщение. Я пишу: «Есть кандидат», и он приезжает к точке.

— Номер.

Дрейк, трясущейся рукой, полез в карман, вытащил коммуникатор. Рэй вырвал его, открыл контакт, сфотографировал номер на свой аппарат. Затем вернул.

— Теперь слушай, — Рэй наклонился, поднял парня за волосы, заставляя смотреть в глаза. — Ты сейчас пойдёшь домой. Соберёшь вещи. Наврешь что-нибудь родителям. Уедешь из города. Если я узнаю, что ты предупредил своих друзей — я найду тебя где угодно. И тогда мы поговорим иначе, я возьму с собой нож.

Он отпустил парня. Тот лежал на полу, зажимая сломанный палец и всхлипывая. Рэй вытер руку о его же куртку, развернулся и вышел.

Через две минуты он уже был на улице, растворяясь в темноте. В голове крутилась одна мысль: «"Эвергрин", Девятая и Гарденс. Нужно действовать быстро».

Он вернулся домой за полночь.

Из тайника в шкафу достал армейский жетон, складной нож с тёмной рукоятью, компактный глушитель, который разбирался на детали, и баллончик с нейтрализующим составом — не для людей, для электроники. Всё это он аккуратно разложил на столе. Пистолет? Нет. Пока не нужно. Но нож — обязательно.

Быстро переоделся в тёмное: свободные тактические брюки, плотная водолазка, лёгкая куртка без опознавательных знаков. Обувь — мягкая, но с цепкой подошвой. Он проверил каждый предмет, как делал сотни раз. Руки двигались легко, но без суеты.

На коммуникатор он загрузил карту района, отметил пересечение Девятой и Гарденс. Диагностический центр «Эвергрин» располагался в респектабельной части города, среди ухоженных скверов и дорогих кафе. Приличный район, где никто не заподозрит нелегальных дел. Рэй вышел из ночного автобуса за несколько кварталов до цели и дальше пошёл пешком, стараясь не попадать в зоны обзора камер.

Ночь была безлунной, и он сливался с тенью, как когда-то в операциях. Гелиополис спал, лишь редкие машины проносились по магистралям да где-то высоко над крышами гудели климатические установки, поддерживавшие в районе идеальный микроклимат. Пахло влажным асфальтом и цветами с клумб.

Центр «Эвергрин» занимал два этажа в многоэтажном здании. Снаружи он выглядел солидно: стеклянный фасад, подсвеченная вывеска с эмблемой — стилизованный лист, свёрнутый в спираль. На первом этаже ещё горел свет, хотя время было далеко за полночь. Окна второго этажа тонули в темноте. Рэй остановился в тени декоративных кустов напротив и осмотрелся.

Охрана: двое у парадного входа. Камеры — по углам здания, но Рэй не мог понять, работают ли они. Чёрный ход находился в узком проулке позади здания. Рэй заметил, что рядом стоял охранник, курил, глядя в темноту.

Дождавшись, пока охранник отвернётся, Рэй двинулся в обход здания, бесшумно скользнул вдоль стены и оказался в проулке. Он подкрался сзади, левой рукой зажал рот, рванул голову назад, а правой вогнал нож снизу вверх под челюсть. Тело безвольно повисло. Рэй опустил его на землю, оттащил за мусорный контейнер, вытер нож.

Дверь чёрного хода была не заперта. Рэй скользнул внутрь, оказался в узком коридоре, освещённом тусклой аварийной лампой. Пахло медикаментами и каким-то сладковатым химическим составом. Он закрыл за собой дверь, прислушался. Где-то гудели вентиляторы, наверху тихо переговаривались.

Коридор вывел его в подсобное помещение. Там, среди коробок с медицинскими расходниками, стоял второй охранник — спиной к двери, копался в ящике. Рэй подошёл бесшумно, обхватил его за шею локтем и одновременно ударил ножом в печень — быстро, снизу вверх, под рёбра. Охранник дёрнулся, захрипел, но Рэй держал крепко, пока он не перестал сопротивляться. Опустил на пол, оттащил за стеллаж.

Он двинулся дальше, в сторону вестибюля. Там, у стойки регистрации, скучал третий охранник, лениво листая какие-то ролики в планшете. Рэй подкрался сзади, аккуратно положил одну руку на подбородок, другую — на затылок и резко рванул в сторону. Хруст. Планшет выпал из рук. Рэй уложил охранника на пол, оттащил за стойку.

Он осмотрел весь первый этаж: пустые кабинеты, процедурные, комнаты ожидания. Всё чисто, стерильно, ни намёка на преступление. Только где-то наверху продолжали гореть лампы. Рэй поднялся по лестнице на второй этаж, стараясь двигаться как можно тише.

Наверху было темнее. В коридоре горел только один светильник, остальные выключены. Рэй двигался вдоль стены, прислушиваясь. Двое охранников стояли у дальней двери, тихо разговаривали. Рэй замер, прикинул маршрут. Он не мог снять обоих одновременно, не подняв шума, поэтому решил разделить их.

Рэй вернулся на первый этаж, подобрал у стойки регистрации планшет убитого охранника, затем снова поднялся на второй и присел за углом, прислушался.

— Эй, Сэм, это ты? — донёсся голос.

— Опять на толчок пошёл, вечно нажрётся своей цветной капустой, потом по три раза за ночь бегает.

— Ага, ещё и нам вечно её советует. Говорит: «Испытываю лёгкость во всём теле».

— Да вообще. Лёгкость он испытывает. Если бы я так на горшок бегал, наверное, уже бы помер.

Рэй выждал паузу, затем швырнул планшет в сторону ближайшего кабинета. Планшет загремел по полу. Охранники замолчали.

— Пойду гляну, может случилось с ним чего, — сказал один.

— Давай, только нос заткни чем-нибудь.

Первый охранник отлепился от стены и направился по коридору. Рэй замер за углом. Когда охранник поравнялся с его укрытием, Рэй рванул его на себя и ударил ножом в противоход между рёбер, целясь точно в сердце. Лезвие вошло по рукоять. Охранник дёрнулся, ноги подогнулись. Рэй опустил его на пол.

Второй услышал возню и насторожился.

— Эй, Дэн, ты чего там? — крикнул он.

Тишина. Через несколько секунд второй охранник, вытащив электрошокер, осторожно двинулся к углу. Он дошёл до тела напарника, заметил тёмное пятно на полу, вскинул оружие. Рэй выскользнул из-за угла, ударил его ногой в колено, выбивая опору. Охранник присел, но Рэй уже перехватил его руку, вывернул, выбил электрошокер и вогнал нож в глазницу — быстро, точно.

Рэй уложил обоих охранников на пол, забрал у одного магнитную карту, которая могла пригодиться для электронного замка. Затем двинулся дальше по коридору, вглубь второго этажа.

Он обошёл весь этаж. Кабинеты, лаборатория, переговорная. Всё выглядело обычно, но что-то не давало покоя. Где-то здесь должна была быть Эбби. Но её нигде не было.

В конце коридора обнаружилась небольшая комната отдыха: диван, стол, на стене — пустой кронштейн от монитора. Там, развалившись в кресле, спал ещё один охранник. Рэй вошёл, закрыл дверь, подошёл сзади. Охранник заворочался, начал оборачиваться, но не успел: Рэй схватил его за волосы, дёрнул вниз, об колено. Хруст. Тело обмякло, но Рэй, не полагаясь на случай, вогнал нож в шею, точно в сонную артерию. Охранник конвульсивно дёрнулся. Кровь ударила струей, но Рэй резко отстранился, прикрывшись телом охранника от брызг, затем наклонил его голову вниз, направляя поток в сторону, подальше от своей одежды. Через несколько секунд Рэй опустил тело на пол, стараясь не наступить в лужу.

Он вышел из комнаты, и двинулся обратно к лестнице. На первом этаже, за стойкой регистрации, он заметил дверь, на которую раньше не обратил внимания: узкая, без таблички, с электронным замком. Та самая, что могла вести в подвал.

Рэй использовал магнитную карту, которую подобрал у охранника, замок поддался. Он открыл дверь, потянул на себя. Снизу пахло холодом и химией.

Подвал был переоборудован под больничную палату. Белые стены, яркие лампы, кафельный пол. Ряды кроватей. На них — подростки, пристёгнутые ремнями, с капельницами, подключёнными к катетерам. Большинство без сознания, лица бледные, дыхание замедленное. Тишина, нарушаемая лишь писком мониторов.

Рэй с хрустом сжал кулак. Он видел многое за свою карьеру, но это было другое. Дети, использованные как расходный материал.

Он вошёл внутрь, оглядывая лица. Медленно двинулся между рядами. Над каждой кроватью висела табличка с номером и пометками. Он читал протоколы, закреплённые на спинках: «Препарат А-12, дозировка 15 мл, введение начато», «Реакция на антиген — отторжение», «Возможны признаки стабилизации». Стало дурно.

Он прошёл по всем рядам, проверяя каждое лицо. Нет. Нигде. Эбби не было.

Рэй выдохнул, стараясь подавить нарастающую тревогу. Он не знал, радоваться или бояться. Если её здесь нет, значит, её перевезли в другое место. Или она ещё не попала сюда. В любом случае, времени было мало.

Он достал коммуникатор, набрал номер Тима.

— Тим, это Рэй. Слушай внимательно. Диагностический центр «Эвергрин», пересечение Девятой и Гарденс. В подвале дети, человек десять, без сознания, под капельницами.

— Что? — голос Тима был сонным. — Ты в порядке?

— Я в порядке. Но мне нужна твоя помощь. Только не светись: я сам вызову полицию, чтобы тебя не подставлять. Твоя задача — приехать сюда и убедиться, что детей не «потеряют» по дороге в участок.

— Ты что, с ума сошёл? — Тим мгновенно проснулся. — Ты знаешь, что такое «Эвергрин»?

— Знаю. Поэтому и звоню. Я сейчас вызову копов и уйду до их приезда. Делай что хочешь, но детей нужно вытащить.

— Чёрт... — в трубке послышалось сдавленное ругательство. — Ладно. Я постараюсь. Но не жди меня.

— Я и не жду. Мне нужно искать Эбби. Всё.

Рэй отключился. Затем набрал экстренный номер. Через два гудка ответил женский голос:

— Служба спасения. Что у вас произошло?

— Диагностический центр «Эвергрин», на перекрёстке Девятой и Гарденс. В подвале находятся дети в бессознательном состоянии, им нужна медицинская помощь. Также в здании есть трупы.

— Назовите ваше имя.

— Это неважно. Просто пришлите всех, кто есть.

Рэй отключился, не дожидаясь дальнейших вопросов. Затем быстро обыскал подвал: шкафы, ящики, столы. Ничего, кроме медицинских препаратов и расходников. Он поднялся на второй этаж, заглянул в кабинеты, переговорную, снова проверил первый. Искал хоть какую-то зацепку: документы, записи, карты. Но ничего полезного не нашёл. Всё было слишком чисто, будто центр специально подготовили к такому визиту.

Где-то вдалеке, за пару кварталов, завывали полицейские сирены. Рэй выругался сквозь зубы. Он не мог оставаться. Бросив последний взгляд вокруг, он вышел через чёрный ход, обогнул здание и, укрывшись за углом, увидел как в конце улицы появились огни полицейских мигалок. Двое охранников, всё ещё стоявших у двери, в недоумении обернулись на нарастающий вой. С визгом напротив центра остановились несколько полицейских машин из которых выскочили полицейские, быстро скрутили их, и уложили лицами в асфальт. Рэй удовлетворённо кивнул и, не дожидаясь, пока его заметят, растворился в ночи.

Утро в офисе ОКБ начиналось как обычно: с запаха дешёвого кофе, гудения старых терминалов и монотонного шуршания бумажных папок. Но сегодня воздух был другим — напряжённым, как перед грозой. Майор Кайлен Вэнс сидел за своим столом, уставившись в экран, где ползли сводки ночной полицейской операции. Перед ним были фотографии с места, отчёты, рапорты. Он просматривал их уже третий раз, пытаясь уложить в голове картину.

Диагностический центр «Эвергрин». Ночью туда проник неизвестный, ликвидировал шестерых охранников. Все шестеро убиты ножом. Никаких следов борьбы, ни одного выстрела. Обнаружив в подвале подростков, он вызвал полицию, но дожидаться не стал — скрылся до прибытия машин. Уже копы вскрыли дверь, обнаружили детей и передали их медикам. Двое охранников у парадного входа ничего не слышали и не видели подозрительного. Однако после прибытия полиции их отпустили почти сразу: примчался целый выводок адвокатов и вытащил

их быстрее, чем тех успели нормально опросить. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что охранники эти работали на семью Галло.

Вэнс откинулся на спинку стула, потёр переносицу. Он знал, что таких людей в Гелиополисе единицы. И что такая точность, такая хладнокровная эффективность не свойственны ни полицейским, ни обычным наёмникам.

— Ты только посмотри, Маркус, — заговорил Вэнс, развернув монитор к нему. — Шесть трупов, и все — от ножа. Ни одного выстрела. Знаешь, что это значит? Он пришёл без ствола. Или не хотел шума. Но зачем тогда вообще убивать? Можно было усыпить, вырубить. А он именно убивал. Значит, цель — не просто проникнуть, а зачистить. И он знал, где посты. Он методично убирал их одного за другим: чёрный ход, подсобка, вестибюль, второй этаж. И делал это тихо, без паники. Так работают только специально обученные люди.

— Ты думаешь, это военный? — Маркус подался вперёд.

— Уверен. Причём не просто военный, а тот, кто провёл не одну ночную операцию. Смотри: он нашёл подвал с детьми, но не стал их выводить. Потому что одному не вынести. И потому что его цель была в другом. Он вызвал полицию и ушёл. Зачем? Чтобы дети не остались без помощи, но чтобы самому не светиться. Это не спасатель, Маркус. Это профессионал, который ищет кого-то конкретного. И, судя по всему, он не нашёл.

— А может это опять какие-то криминальные разборки? — Маркус нахмурился.

— Пока не знаю. Но есть у меня одна догадка. Проверь, не всплывал ли в этом районе Рэй Картер.

Сержант с сомнением хмыкнул.

— Думаете, это он?

— А кто ещё? — Вэнс повернулся к нему. — Бывший военный с секретным прошлым, племянница пропала, а уже наутро в самом центре «Эвергрин», где, по нашим данным, крутятся деньги Галло, находят шесть трупов. Слишком много совпадений.

В этот момент дверь распахнулась, и в кабинет влетела Айрис. Волосы растрёпаны, в руках планшет, глаза горят. Она явно бежала.

— Майор Вэнс! — выпалила она, стараясь отдышаться. — Я нашла!

Вэнс и Маркус одновременно посмотрели на неё.

— Нашла что, Айрис? — спросил Вэнс.

— Я копала старые базы, как вы приказали. Это было в архиве ограниченного доступа. — Она положила планшет на стол, ткнула пальцем в экран. — Лейтенант Р. Картер. Согласно засекреченным данным, подал рапорт на перевод из флотского спецназа в оперативно-тактическую группу «Юнит-7». Эта группа подчиняется непосредственно Штабу специальных операций Флота.

Вэнс медленно перевёл взгляд на экран. Там высвечивались строчки досье — обрезанные, с купюрами, но достаточно ясные.

— «Юнит-7», — пробормотал он. — Это же элитное подразделение. Их используют для точечных операций за пределами центральных миров. Глубинная разведка, диверсии, ликвидации.

— Именно, — кивнула Айрис. — Больше пока ничего нет. Но я направила запрос по нашим каналам в Штаб специальных операций Флота. Жду ответа.

Маркус присвистнул.

— Значит, Рэй Картер — не просто инструктор в тире. Он из «Юнит-7». Майор, если это правда, то вчерашний разгром в «Эвергрине» — его работа. И тогда он действительно опасен.

Вэнс молчал, обдумывая. Его лицо было бесстрастным, но в глазах читалась напряжённая работа мысли.

— Он не опасен, — наконец сказал он. — Он полезен.

— Полезен? — Маркус поднял бровь. — Майор, он за вечер убил шестерых. Вы представляете, что будет, если он узнает, что мы копаем под него?

— Он не будет нас искать, — Вэнс усмехнулся. — Он сейчас ищет свою племянницу. И судя по всему, он уже понял, что за «Эвергрином» стоят серьёзные люди. Это значит, он влезет ещё глубже. А нам это на руку.

Айрис переводила взгляд с Вэнса на Маркуса.

— Вы хотите... использовать его? — осторожно спросила она.

— Не использовать, Айрис, — поправил Вэнс. — Скорее, позволить ему действовать. Если Рэй Картер действительно служил в «Юнит-7», то он не просто бывший военный, а специалист по тайным операциям. Такой человек не остановится, пока не доберётся до цели. И его цель сейчас — вернуть племянницу. Если он начнёт ворошить этот муравейник, то выйдет на Галло, а через него — на тех, кто стоит за проектом. Вот тогда у нас появится не просто подозрение, что Галло связан с исчезновением подростков, а возможность превратить эти подозрения в доказательства. Доказательства, которые мы сможем предъявить в суде. Поэтому пусть работает. А мы пока подстрахуем его с тыла.

Маркус недоверчиво покачал головой.

— А как же полиция? Они сейчас начнут копать. Этот Картер наверняка наследил. Если они свяжут его с «Эвергрином», его арестуют.

— Поэтому я сейчас и думаю, — Вэнс повернулся к терминалу. — Нужно блокировать передачу данных о Рэе Картере в полицию. Хотя бы на время. Пусть поработает без помех.

— Это превышение наших полномочий, майор, — заметил Маркус. — Если выгорит, у нас будут большие неприятности.

— А если не вмешаемся, неприятностей будет ещё больше, — Вэнс стукнул по клавишам. — Я уже отправил запрос в центр ОКБ, чтобы придержали информацию. А пока суть да дело, вручную вычищу из полицейской базы все упоминания о запросах по Картеру. Пусть думают, что он чист.

Он повернулся к секретарю.

— Айрис, мне нужно, чтобы ты продолжила копать. Мне нужна любая зацепка: где сейчас Эбигейл Картер, куда её перевезли, кто в «Эвергрине» отвечает за перевозки. Ответ из Штаба специальных операций Флота может дать нам больше информации о прошлом Картера, но мы не можем ждать сложа руки. Ищи связи Галло с перевозкой, движение фургонов, любые аномалии.

— Будет сделано, майор! — Айрис вытянулась и быстро вышла.

Маркус проводил её взглядом и снова посмотрел на Вэнса.

— Вы правда верите, что он сможет? — тихо спросил он. — Один человек против «Семьи Галло» и всей их махины?

— Я верю не в него, Маркус. Я верю в то, что он — профессионал. А профессионал не останавливается, пока не закончит начатое. И если он действительно из «Юнит-7», то у нас есть шанс. — Вэнс сделал паузу. — Пусть этот бывший оперативник разворошит муравейник. А мы будем рядом, чтобы собрать то, что останется.

Маркус вздохнул, но спорить не стал.

Вэнс снова повернулся к экрану. Где-то в городе, среди ночных огней и теней, по улицам шёл человек, который уже развязал войну.

Глава 7. Процедурный кабинет

Сначала был холод. Он поднимался откуда-то снизу, от металлической койки, и расплзался по спине, как ледяная змея. Эбби попыталась пошевелить пальцами ног — они были босыми, ступни касались холодного пластика. Голова гудела, будто после долгого бега. Во рту пересохло, язык прилипал к нёбу.

Она открыла глаза.

Белый свет вонзился в зрачки, и она зажмурилась, застонав. Несколько секунд ушло на то, чтобы привыкнуть. Лампа над головой горела ровным, мертвенным светом, заливая всё вокруг стерильной белизной. Эбби медленно повернула голову, насколько позволяли ремни, удерживающие запястья и лодыжки. Она лежала в узком боксе, похожем на больничную палату, только стены были из полупрозрачного пластика. Слева, сквозь мутную перегородку, виднелись силуэты. Справа — ещё. Такие же койки, такие же тела. Подростки.

Она сглотнула. Вдохнула. Воздух был холодным, пахнул озоном и дезинфекцией, но под этим запахом прятался другой — едва уловимый запах страха — её собственного.

Память возвращалась рывками. Белый фургон. Человек в маске. Тёмный салон, запах дезинфекции. Потом укол в шею — и темнота. Она не знала, сколько прошло времени. Может, час, может, сутки. Но теперь она здесь. Пристёгнутая к койке, как подопытная.

— Эй, — прохрипела она, обращаясь к соседнему силуэту. — Ты меня слышишь?

Тишина. Только где-то в глубине зала гудели вентиляторы.

— Эй! — повторила она громче. Голос отозвался болью в горле.

В соседнем боксе завопили. Сначала тихо, потом громче: кто-то закашлялся, застонал. Эбби услышала всхлипы, приглушённый плач. Живой.

— Заткнись, — донёсся сдавленный голос откуда-то слева. — Не привлекай внимания.

Эбби сжала зубы. Хороший совет, но уже поздно: она слышала шаги. В зал вошли. Сначала двое охранников в серой форме с нашивками, похожими на спираль, затем человек в белом халате с планшетом в руке, а за ним — пожилой мужчина. Высокий, сухоощавый, с седыми волосами, зачёсанными назад, и острым, как лезвие, лицом. Одет он был в дорогой тёмно-синий костюм, который сидел на нём так, будто был второй кожей. На левом запястье поблёскивали антикварные часы. В руках — ничего, но от него веяло такой властью, что воздух в зале, казалось, стал плотнее.

Виктор Шталь.

Эбби, конечно, не знала его имени. Но она сразу поняла: это не врач, не охранник. Это тот, кто здесь главный.

Шталь шёл вдоль ряда боксов, не глядя на запертых. Его взгляд скользил по лицам, как сканер: холодно, оценивающе, без интереса. За ним следовал доктор, делая пометки в планшете. Санитары маячили позади, готовые исполнить любой приказ.

Остановились у её бокса.

Шталь посмотрел на Эбби. В его глазах не было ни гнева, ни любопытства — только лёгкая, едва уловимая скука, как у человека, который уже тысячу раз видел всё, что происходит здесь.

— Эбигейл Картер, — произнёс он. Голос был сухим, как шорох старых бумаг. — Пятнадцать лет. Физические данные: отличные. Генетический профиль: перспективный. Реакция на стресс: предположительно высокая.

Он говорил так, будто читал характеристики товара.

— Подходит, — добавил он, обращаясь к доктору.

Доктор, невысокий лысеющий мужчина с испуганным лицом, подобострастно закивал.

— Да, господин Шталь. Один из лучших образцов за последние месяцы. Маркер совместимости — семьдесят два процента. Для сравнения, у большинства — не выше сорока.

— Мне не нужны все детали, Уотсон, — Шталь поморщился. — Просто продолжайте. Напоминаю, мы не развлекаемся, а работаем над будущим нашей службы.

Он снова перевёл взгляд на Эбби, и на этот раз в его холодных светло-голубых глазах мелькнуло что-то похожее на оценку.

— Ты знаешь, зачем ты здесь? — спросил он.

— Чтобы сдохнуть в этой дыре? — огрызнулась Эбби. — Или чтобы вас посадили за похищение детей?

Шталь чуть наклонил голову. Уголок рта едва заметно дёрнулся — не то усмешка, не то раздражение.

— Остроумно, — произнёс он. — Но недальновидно. Ты станешь частью проекта, который изменит человечество. Через несколько лет твоё тело будет совершенным оружием. Ты будешь сильнее, быстрее, выносливее любого обычного человека. И всё это — благодаря нам.

Эбби рванулась, ремни впились в кожу.

— Вы больной ублюдок! Я не хочу быть оружием! Я хочу домой!

— Домой? — Шталь улыбнулся, но улыбка вышла холодной, как лёд. — Твой дом — здесь. Твоя мать считает, что ты сбежала. Полиция уже закрыла дело. Тебя никто не ищет.

Внутри у Эбби всё оборвалось. Она снова дёрнулась, но ремни держали крепко.

— Ты лжёшь! — выкрикнула она. — Моя мама будет искать меня! Она не сдастся!

— Твоя мать — нищая вдова, — Шталь произнёс это так, будто описывал пустое место. — У неё нет ни связей, ни денег. А такие, как ты, исчезают каждый день. И никто не обращает внимания.

Он наклонился чуть ближе, и Эбби почувствовала запах дорогого парфюма.

— А знаешь, почему мы выбрали именно тебя? Потому что твой генетический профиль — редкость. Гормональный фон, пластичность организма — всё идеально для вакцины. Из таких, как ты, вырастают элитные солдаты. Ростом два тридцать, с реакцией, о которой обычные люди могут только мечтать.

— Вы ставите эксперименты на детях! — прошипела Эбби. — Это незаконно!

— Закон? — Шталь выпрямился, поправил манжет. — Глупый ребенок. Закон — это то, что я сказал. Агентство раннего предупреждения существует, чтобы защищать Федерацию. Через несколько лет у нас будут солдаты, которые не знают усталости, не чувствуют боли, не задают вопросов. И тогда никто не посмеет противостоять АРП.

Эбби слушала, но в голове стучало одно: его слова о матери. Она не могла поверить, что Виктория перестала искать. Но холодный прагматизм Шталя был хуже любой жестокости. Он не угрожал, он просто констатировал факт.

— Мне жаль тебя разочаровывать, маленькая обезьянка, — продолжал Шталь, — но твоя жизнь, какой ты её знала, закончилась. Смирись. Если выживешь после инъекции — станешь ценным активом. Если нет — что ж, не все подходят для великих целей.

Он повернулся к доктору.

— Приступайте, Уотсон. И в этот раз не тяните. Мне нужны результаты, а не бесконечные отчёты.

Доктор шагнул к боксу. Дверь с мягким шипением отъехала в сторону. Двое санитаров вошли, один из них нёс металлический кейс. Эбби рванулась с новой силой, но ремни держали. Она закричала, пытаясь отбиться ногами, но санитары ловко зафиксировали её, прижав к койке.

— Не трогайте меня! — её голос сорвался. — Пожалуйста! Я не хочу!

Доктор вытащил из кейса шприц с прозрачной жидкостью, поблёскивающей под белым светом. Эбби видела, как игла приближается к её руке. Внутри всё оборвалось.

— Это быстро, — произнёс доктор бесцветным голосом. — Будет больно, но ты справишься.

Эбби зажмурилась. Игла вошла в вену. Сначала холод, потом — жар.

Огонь.

Он взорвался внутри, разливаясь по сосудам, как расплавленный металл. Эбби закричала — страшно, пронзительно, до хрипоты. Тело выгнулось дугой, мышцы скрутило судорогой. Ремни затрещали, койка заходила ходуном. Она слышала собственный крик будто со стороны, но не могла остановиться. Боль накатывала волнами, каждая сильнее предыдущей.

А потом случилось странное.

Звуки вдруг стали резкими, невыносимо яркими. Она слышала, как в соседнем боксе колотится сердце — быстро, как у испуганного кролика. Слышала, как у охранника за дверью урчит в животе, как доктор дышит — часто, взволнованно. Запахи ударили в ноздри: пот, страх, дезинфекция, металл, озон — всё смешалось в удушливый коктейль. Она открыла глаза, и свет ослепил её, но сквозь белую пелену она видела чёткие контуры, как в гиперфокусе.

Шталь стоял рядом, наблюдая. В его глазах — профессиональный интерес, ни капли жалости.

— Субъект реагирует, — произнёс он. — Запишите: первая фаза, гиперчувствительность. Показатели — выше ожидаемых. Прогноз — благоприятный.

Эбби захрипела, пытаясь что-то сказать, но голос отказал. Она видела, как доктор что-то вводит в планшет, как санитары отходят. Боль немного отступила, но теперь она чувствовала каждый удар собственного сердца, как барабан в груди.

— Отдыхай, обезьянка, — Шталь наклонился чуть ближе, и его сухое лицо оказалось в нескольких сантиметрах от неё. — Через пару часов ты почувствуешь прилив сил. А потом мы продолжим. Если выживешь — станешь идеальным солдатом.

Он выпрямился, повернулся и пошёл прочь. За ним последовали доктор и санитары. Дверь бокса закрылась.

Эбби осталась одна.

Она лежала, глядя в потолок, чувствуя, как внутри что-то меняется. Каждая клетка гудела, как натянутая струна. Перед глазами всё ещё плыли круги, но слух оставался обострённым. Она слышала, как в другом конце зала санитары переговариваются между собой, и каждое слово было отчётливым, словно они стояли рядом.

— ...девочка дерзкая, — говорил один. — Но Шталь таких любит.

— Любит? — хмыкнул второй. — Он их ломает. Сначала дерзят, потом умоляют.

— Ставлю пятёрку, что эта, может, и не сломается. Слишком злая.

— Все ломаются. Рано или поздно. Но спорить я не буду.

— Ссыкло ты, Валентайн!

Эбби закрыла глаза. Слёзы текли по вискам, но она не издала ни звука. Внутри, под всей этой болью и страхом, росло что-то ещё. Нечто тёмное, жгучее, как раскалённый уголь.

Она заставила себя дышать медленно, хотя каждое движение грудной клетки отдавалось болью. Пальцы сжались в кулаки. Ремни больше не казались такими уж крепкими.

"Я выберусь, — подумала она, и мысль была ясной, как вспышка. — Выберусь. И тогда вы все пожалеете."

Эбби повернула голову налево, к соседнему боксу. Силуэт за перегородкой не двигался, но она слышала его дыхание — поверхностное, с присвистом.

— Эй, — тихо позвала она. — Ты как?

Молчание. Потом шорох, и слабый голос:

— Живой пока.

— Меня Эбби зовут. Тебя как?

Пауза. Потом снова голос, уже с ноткой усталости:

— Марко.

— Ты давно тут?

— Два дня. Или три. Сбился со счёта.

— Что они с нами делают? — спросила Эбби, хотя уже догадывалась.

— Вкалывают какую-то дрянь. Говорят, вакцина. Но это не вакцина. От неё у людей глаза лопаются, кости хрустят. Некоторые после первого укола не просыпаются.

— Зачем тогда? — Эбби сглотнула.

— Чтобы сделать из нас солдат. У них тут целый проект. Проект «Геката». Слышала? Эбби покачала головой, но Марко не видел.

— Это та самая штука, которую ты видела. Укол. Если выживешь, станешь сильнее. Быстрее. Лучше.

— А если нет?

— Тогда твоё место в мусоросжигателе, — горько усмехнулся Марко. — Так что не спеши умирать.

Эбби замолчала. Она смотрела на белый потолок и слушала, как её собственное сердце стучит всё сильнее. Постепенно звуки становились громче: она слышала, как в дальнем углу капает вода, как кто-то из охранников на посту жуёт бутерброд, как в соседнем боксе Марко с трудом дышит. Запахи тоже усилились: дезинфекция, пот, кровь, моча. Она почувствовала, как к горлу подступает тошнота, но сдержалась.

— Марко, — прошептала она. — А ты пробовал вырваться?

— Пробовал, — ответил он. — Ремни крепкие. И дверь заперта снаружи. А даже если выйдешь — вокруг охрана. У них тут целый лабиринт. Без шансов.

— Зато у нас будет преимущество, — Эбби сжала кулаки. — Они сами сделали нас сильнее. Пусть теперь получают.

Марко хмыкнул, но ничего не ответил. Возможно, у него уже не было сил на разговоры.

Внезапно в соседнем боксе кто-то захрипел. Захрипел страшно, с бульканьем. Эбби повернула голову и сквозь полупрозрачный пластик увидела, как тело на койке забилося в судорогах. Замигали лампочки над боксом, где-то вдалеке раздался сигнал тревоги. Через минуту прибежали санитары, открыли бокс, начали что-то вводить. Но хрип стих. Тело обмякло. Санитары переглянулись.

— Ещё один готов, — произнёс один.

— Похоже, сердце не выдержало. Маркер был слабый.

— Шталь будет недоволен. Это уже третий за неделю.

— Ничего, у нас ещё есть материал.

Эбби закрыла глаза, чтобы не видеть, как тело накрывают простынёй и вывозят. Марко оказался прав. Не все просыпаются. Мысли метались: мама, Дрейк, фургон, этот ужасный старик Шталь. Она вспомнила его слова про то, что её никто не ищет. Внутри снова поднялась ярость, но на этот раз она не стала её сдерживать. Ярость придавала сил.

Она снова потянула правый ремень. На этот раз пластик не поддался. Эбби улыбнулась. Она знала, что время ещё не пришло.

— Подожди, мама, — прошептала она. — Я вернусь.

Где-то за стеной послышался низкий гул — может, вентиляция, может, шаги охраны. Эбби не знала, сколько времени прошло, но чувствовала, как мышцы постепенно наполняются новой, странной силой. Словно всё тело стало легче, но в то же время плотнее.

Она прислушалась. В зале было тихо. Только редкие всхлипывания таких же пленников да далёкий гул.

Эбби уставилась на ремни, сжимавшие запястья. Если поднапрячься... Она осторожно потянула правую руку, проверяя пластик на прочность. Ремень чуть поддался, но не порвался.

— Ну, давай же, — прошептала она.

Глава 8. Пробуждение

Рэй вернулся домой под утро. Квартира встретила его привычной пустотой, но сегодня она не раздражала. Он скинул куртку, прошёл на кухню, налил воды. Холодная, безвкусная — как всё в этой жизни. Он стоял у окна, смотрел на просыпающийся город. Где-то там, в этих стеклянных коробках, прятались люди, которые забрали Эбби. И нужно было быстрее до них добраться.

Спать он не лёг. Вытащил коммуникатор, нашёл в памяти номер, который выбил из Дрейка. Грег. Мелкий исполнитель, водитель, тот, кто сажает детей в фургоны и увозит их в неизвестность. Если кто и знает, куда её повезли дальше, то это он.

Рэй набрал сообщение.

«Есть кандидат. Лицей Вернера. Жди после двух. Это Дрейк. Сменил номер».

Отправил. Теперь оставалось только ждать.

Грег не заставил себя долго упрашивать. Через двадцать минут пришёл ответ: «Ок. Белый фургон, как обычно в 10:00».

Рэй подошёл к старому шкафу, отодвинул заднюю панель и достал из тайника оружейный кейс. Положил на стол, щёлкнул замками.

Внутри, в поролоновом ложементе, лежал «Хеклер» — матовый, без опознавательных знаков, пахнувший оружейной смазкой. Рядом — две запасные обоймы и глушитель. Он вытащил пистолет, извлёк магазин, проверил патроны. Затем вставил на место, передёрнул затвор, поставил на предохранитель. Взял глушитель, накрутил на ствол, прицелился в тёмный угол. Рука не дрожала. Пистолет сидел как влитой.

Рэй выдохнул. Годы идут, а привычки остаются. Он убрал оружие в поясную кобуру, которую достал из того же тайника, проверил, чтобы куртка не оттопыривалась. Затем оглядел себя в зеркало в прихожей: обычный мужчина, неброская одежда, ничего не выражающий взгляд.

Он вышел за полтора часа до встречи. Добрался до лицея Вернера на общественном транспорте, сошёл за две остановки и двинулся пешком через парк. Утро было влажным, пахло мокрой травой и прогретым асфальтом. Город уже давно проснулся: по улицам текли прохожие, где-то гудели автомобили. Рэй заранее осмотрел место: Грег, судя по всему, парковался за парком, у старого входа, где камеры давно не работали. В это время здесь почти безлюдно — редкие прохожие сворачивают в сторону, не замечая лишнего. Идеально.

Рэй нашёл свободную скамейку, с которой хорошо просматривалась дорога вдоль парка. Сел, сделал вид, что листает ленту новостей на коммуникаторе. В 09:48 у тротуара, напротив старого входа, притормозил белый фургон. Стёкла были тонированы, и внутри видно только силуэт. Водитель не вышел. Рэй не шевелился. Он наблюдал, как фургон стоит, как водитель поглядывает в зеркало, но не делает попыток покинуть кабину. Прошло несколько минут. Рэй поднялся, не спеша подошёл к пассажирской двери и, распахнув её одним движением, оказался в салоне. Дверь могла быть заблокирована, но двигатель фургона был заглушен, и Рэй решил, что риск оправдан.

Внутри оказалось двое. За рулём — невысокий крепкий мужик с обветренным лицом и коротким ёжиком светлых волос, Грег. А в салоне, за водительским креслом, сидел второй — щуплый, с бледной кожей и сальными волосами, в руке у него был шприц-инъектор. Он как раз набирал прозрачную жидкость из ампулы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.